

12. v. 3

18

6026

Ю В Е Н А Л Ъ.

ДВѢ ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ,

ЧИТАННЫЯ

9-го и 23-го марта 1859 г.

Н. М. Благовѣщенскимъ,

ПРОФЕССОРОМЪ РИМСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С. ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОСВЯЩЕНО ПАМЯТИ Д. И. МЕЙЕРА.

Г.К.Ц.
945

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ ДЕНОТКИНА.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 15 Декабря 1859 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

Изъ втораго выпуска «Сборника, издаваемаго студентами Императорскаго
С. Петербургскаго Унивѣрситета».

Ю В Е Н А Л Ъ. *)

ЛЕКЦІЯ I.

Въ первый разъ еще русскій профессоръ древней филологіи рѣшается выступить съ публичною лекціею о своемъ предметѣ. Въ первый разъ еще этотъ предметъ привлекаетъ въ аудиторію не обязанныхъ слушателей, а представителей образованнаго общества, не имѣющихъ никакого официальнаго отношенія къ Университету. Мм. Гг., я долженъ начать мою лекцію съ откровеннаго признанія въ томъ, что наша филологія едва ли заслужила такую честь. Мы сдѣлали все или почти все для того, чтобы поселить въ нашемъ обществѣ недовѣріе къ древней филологіи и сомнѣніе въ ея пользѣ. До сихъ поръ мы обыкновенно шли въ этой наукѣ не дальше грамматики, на древнихъ писателей смотрѣли, какъ на средство изучить всѣ ея тонкости, — да и тѣхъ не изучили. Я, разумѣется, нисколько не вооружаюсь противъ грамматики. Нѣтъ сомнѣнія, что она необходимое основаніе, безъ котораго невозможно строить зданія филологіи. Я говорю только, что принять фундаментъ за зданіе — большая ошибка, а скорбѣть о томъ, что никто не восхищается такимъ безобразнымъ и только что начатымъ зданіемъ — большая наивность.

*) Лекціи о Ювеналѣ уже были помѣщены въ 19-мъ № «Русскаго Вѣстника» (1859 г.), но съ пропусками, на которые авторъ, однако, не уполномочилъ редакцію означеннаго журнала. Пользуясь выходомъ въ свѣтъ втораго выпуска «Сборника, издаваемаго студентами Императорскаго С. Петербургскаго Университета», авторъ счелъ не лишнимъ снова напечатать свой трудъ въ первоначальномъ его видѣ. *Прим. авт.*

Дѣло въ томъ, что живыя стороны древней филологіи до сихъ поръ остаются почти совершенно чуждыми намъ. Удивляться ли послѣ этого, что она находитъ у насъ такъ мало почитателей!

Но не только у насъ, по причинамъ, которыя очень понятны, даже на западѣ Европы раздаются по временамъ голоса противъ классической филологіи, — и тамъ она уже не разъ была объявлена какимъ то вопіющимъ анахронизмомъ. Мы стремимся, говорятъ противники этой науки, приложить всѣ наши знанія къ самой жизни: таково направленіе нашего вѣка. Мы поняли, что наука необходима для жизни и въ прямомъ, т. е. матеріальномъ, непосредственномъ приложеніи къ ней, и какъ лучшее основаніе, какъ твердая опора нашей мысли. Мы поняли, что жизнь безъ науки жалка и постыдна, да, кромѣ того, и опасна въ наше время, потому что лишаетъ государство такого оружія, которымъ хорошо владѣетъ Европа.

Этотъ современный взглядъ на науку вполне разуменъ: онъ обѣщаетъ и для науки, и для общества много хорошаго. Но если это такъ, то невольно возникаетъ вопросъ: какое же значеніе въ сферѣ наукъ имѣетъ въ наше время древняя филологія? Къ чему намъ изучать бытъ какого нибудь давно отжившаго народа, когда мы не имѣемъ достаточно времени, чтобы ознакомиться съ тѣмъ, что насъ окружаетъ, что намъ близко?

По отношенію къ римской древности, такой взглядъ былъ бы одностороненъ даже и тогда, когда изъ этой науки мы не могли бы извлечь ничего полезнаго для нашей современности. Неужели недостойна нашего вниманія, сама-по-себѣ, жизнь народа, который произвелъ столько великаго и изъ ничего достигъ такой высокой степени политическаго развитія и могущества?

Притомъ не должно забывать, что въ римской древности кончается исторія классическаго міра, на развалинахъ котораго возникаетъ новая жизнь, а это самое придаетъ изученію его интересъ чисто-практическій. Римъ передалъ новой Европѣ результаты греко-римской цивилизаціи и сдѣлался необходимымъ звѣномъ, которое связуетъ міръ живущій съ міромъ древнимъ, отжившимъ. На жизнь обоихъ народовъ такъ называемой классической древности мы необходимо должны смотрѣть, какъ на первое проявленіе современнаго

намъ европейскаго быта. Вотъ почему изученіе почти всѣхъ сторонъ жизни Грековъ и Римлянъ, напримѣръ, ихъ литературы, искусства, политическихъ учрежденій и пр., необходимо для полнаго пониманія нашей современности.

Изученіе римской литературы особенно важно для насъ потому, что она оказала огромное вліяніе на развитіе европейскаго слова: она произвела въ Европѣ періодъ классицизма. Римскую словесность очень часто упрекаютъ въ томъ, что она съ самаго начала усвоила себѣ характеръ подражательный, и не создала почти ни одной литературной отрасли. Для оправданія этой науки въ подобныхъ упрекахъ, достаточно спросить: какую же новую отрасль выработали христіанскія литературы? Развѣ онѣ слѣдуютъ не тѣмъ же путемъ, которымъ шло римское слово? Развѣ почти всѣ отрасли новой литературы не тѣ же самыя, какія явились уже у Грековъ?

Но въ римской литературѣ встрѣчается намъ одна чисто національная отрасль: — это сатира. «Сатира вся наша», самодовольно и съ полнымъ правомъ говоритъ Квинтиліанъ.

Вотъ причина, которая заставила меня избрать римскую сатиру или, говоря точнѣе, одного изъ главныхъ представителей ея—Ювенала—темою для моихъ лекцій. Но эта причина не единственная. Мы теперь всѣ понимаемъ, что изученіе отрицательной стороны жизни какого бы то ни было народа такъ же поучительно, какъ и положительной. Чувство ненависти ко всему безчестному и преступному, выносимое человѣкомъ изъ подобнаго изученія, безъ сомнѣнія, дѣйствуетъ на душу его не менѣе благотворно, чѣмъ отрадное успокоеніе на свѣтлыхъ эпохахъ и утѣшительныхъ фактахъ исторіи.

Недавно, въ этой самой аудиторіи, почтенный мой товарищъ *) живо и краснорѣчиво указалъ на мрачную сторону одного вѣка, который до сихъ поръ еще многими считается блестящимъ — это вѣкъ Людовика XIV. Безъ сомнѣнія, этому взгляду суждено со временемъ сдѣлаться историческою аксіомою, но несомнѣнно и то, что упомянутая эпоха богата, по крайней мѣрѣ, наружнымъ, виѣшнимъ блескомъ.

*) М. М. Стасюлевичъ.

Вѣкъ, въ который я долженъ ввести васъ, Мм. Гг., лишенъ даже этого мишурнаго ореола. Это, можетъ быть, самое мрачное, самое ужасное время, какое пережилъ міръ, съ тѣхъ поръ какъ онъ существуетъ, — это вѣкъ Домиціана.

Въ исторіи человѣчества не рѣдко встрѣчаются такъ—называемыя мрачныя эпохи, когда правдѣ нѣтъ мѣста, когда честный и живой человѣкъ считается чуть не преступникомъ или, по крайней мѣрѣ, человѣкомъ безпокойнымъ и положительно вреднымъ для общественнаго порядка.

Такія эпохи чаще всего являются на двухъ предѣлахъ исторической жизни народовъ, передъ наступленіемъ эпохи процвѣтанія и послѣ нея.

Въ первомъ случаѣ, этотъ нравственный застой, озлобляющійся противъ жизни и правды, имѣетъ опору себѣ въ гражданской и умственной незрѣлости народа; а она, особенно при неблагопріятныхъ условіяхъ для народнаго развитія, продолжается иногда цѣлыя столѣтія.

Положеніе людей, зрѣлыхъ умственно и нравственно, бываетъ въ такія времена очень печально. На свои благородныя стремленія они находятъ мало отзыва въ обществѣ; преслѣдуемые то презрѣніемъ, то подозрѣніями, они безплодно тратятъ свои силы въ борьбѣ съ невѣжествомъ и равнодушіемъ къ общественнымъ интересамъ. Но печальная дума этихъ людей умѣряется, по крайней мѣрѣ, при мысли, что они живутъ въ переходную эпоху, что въ ихъ народѣ достаточно умственныхъ и нравственныхъ, хотя и скрытыхъ до времени, силъ, необходимыхъ для того, чтобы наконецъ достигнуть зрѣлости и лучшаго быта.

Всегда и вездѣ, особенно въ такое переходное время, передовые люди не рѣдко обращались къ литературѣ, и въ ней начинали раздаваться живые голоса, проникнутые пламенной любовью къ правдѣ и благу, неподкупнымъ доброжелательствомъ къ родной странѣ. Эту любовь, по выраженію поэта, писатель не рѣдко проповѣдуетъ «холоднымъ словомъ отрицанья». Это —

Та любовь, что добрыхъ прославляетъ,
Что клеймитъ злодѣя и глупца...

Не только любопытно, но и поучительно прислушиваться къ этимъ честнымъ голосамъ: они часто служатъ выраженіемъ народнаго гласа, а «гласъ народа — гласъ Божій».

Во всякомъ случаѣ, однако, безусловный пессимизмъ въ такое переходное время, представляющее историческій выходъ къ лучшему, — явленіе ненормальное, болѣзненное.

Дѣйствительно, гораздо печальнѣе и мрачнѣе эпохи нравственнаго застоя, которыя являются на другомъ, противоположномъ концѣ жизни народа, и заканчиваютъ собой его исторію. Тогда отъ великой поры прошедшаго остаются только одни воспоминанія, настоящее невыносимо тяжело, и нѣтъ уже никакого исхода къ лучшему будущему. Незавидна участь людей съ умомъ возвышеннымъ и благороднымъ, которымъ суждено жить въ такое безотрадное время. Они глубоко чувствуютъ весь ужасъ и всю безвыходность положенія того общества, къ которому сами принадлежатъ, и это дѣлаетъ личность ихъ вполне трагическою. Литература и въ этомъ случаѣ представляетъ для благороднаго человѣка лучшую, хотя и не очень удобную сферу дѣятельности, и вотъ почему, иногда, въ мрачную историческую эпоху, одиноко свѣтитъ имя писателя, не имѣющаго ничего общаго съ окружающимъ его міромъ.

Въ такое безотрадное время суждено было жить Ювеналу. То была самая мрачная пора эпохи римскихъ цезарей. Въ исторіи нѣтъ другаго примѣра такого страшнаго нравственнаго паденія цѣлой націи, пережившей одну изъ самыхъ блестящихъ эпохъ человѣческаго величія. Безконечный рядъ казней, среди безконечныхъ оргій; легионы рабовъ и ссыльныхъ, — центуріоновъ, готовыхъ всякому продать римскую корону, — донощиковъ и шпионовъ, которые тучнѣли на счетъ своихъ жертвъ: вотъ что увидѣлъ поэтъ въ тѣ годы своей жизни, когда западаютъ въ душу человѣка первыя впечатлѣнія.

Къ сожалѣнію, намъ почти неизвѣстна жизнь Ювенала. У древнихъ авторовъ мы напрасно будемъ искать полной и вѣрной характеристики этого писателя. Тогда еще не понимали значенія исторіи литературы. Римскіе филологи, или такъ называемые грамматикки, не обращали почти никакого вниманія на личность авторовъ и, при изученіи ихъ, большею частію исключительно останавливались на

этимологии разныхъ словъ, ими случайно употребленныхъ. Грамматики не старались собрать преданія о жизни своихъ литературныхъ знаменитостей, или дѣлали это безъ всякой критики, и не умѣли возвыситься отъ простаго слова или факта до идеи. Впрочемъ, не будемъ обвинять ихъ за это слишкомъ строго, тѣмъ болѣе, что подобные филологи и теперь еще не перевелись на свѣтѣ.

Мы имѣемъ древнюю біографію Ювенала, которая наполнена цѣлымъ рядомъ отрывочныхъ, перепутанныхъ и невѣрныхъ замѣтокъ, такъ что очень трудно отыскать въ нихъ историческую правду *). За то нравственная личность Ювенала очень ярко отражается въ его сатирахъ; онъ вполне оправдываетъ собою слова Лессинга, что жизнь поэта — его творенія.

Ювеналь родился при императорѣ Клавдіи (въ 42 г. по Р. Х.), въ небольшомъ городѣ Кампаніи, Аквинумѣ (Aquinum), и былъ сынъ или пріемышъ (*incertum — filius, an alumnus*) богатаго отпущеника. Отъ него, вѣроятно, поэтъ получилъ въ наслѣдство, въ окрестностяхъ Тиволи, помѣстье, о которомъ онъ упоминаетъ въ своей XI сатирѣ. Ювеналь (прибавляетъ древній его біографъ) очень долго, до половины своей жизни, упражнялся въ декламации, и она, какъ мы увидимъ, не мало повредила его литературнымъ трудамъ.

Декламации составляли, особенно въ періодъ имперіи, главный предметъ въ римскомъ воспитаніи. Наставникъ, или риторъ, обыкновенно предлагалъ своимъ ученикамъ тему для сочиненія. Эти школьныя темы большею частію отличались очень страннымъ характеромъ и не имѣли ничего общаго съ окружающимъ міромъ: задавали, на примѣръ, написать рѣчь мага или жреца во время моровой язвы,

*) Въ старинныхъ манускриптахъ, въ которыхъ дошли до нашего времени сатиры Ювенала, сохранились отрывки изъ нѣсколькихъ его біографій. Главная изъ нихъ, обыкновенно печатаемая въ изданіяхъ сатиръ Ювенала, приписывается то грамматикѣ Пробу, то Светонію (изъ его сочиненія *de Poëtis*), но безъ достаточнаго основанія. Нѣтъ сомнѣнія, что эта біографія написана въ древности, но несомнѣнно и то, что она дошла до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а въ позднѣйшемъ и очень неудачномъ извлеченіи. Кромѣ того, у Свиды и въ древнихъ схолияхъ къ Ювеналу можно найти нѣсколько скудныхъ извѣстій о его жизни, но авторитетъ ихъ очень шатокъ. Попытки составить изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ замѣтокъ полную біографію Ювенала не привели да и не могутъ привести къ удовлетворительному результату.

рѣчь пирата къ матросамъ захваченнаго имъ корабля, и т. д. Такому тему молодой человекъ долженъ былъ изложить самымъ цвѣтистымъ слогомъ, со всѣми возможными и даже невозможными риторическими украшеніями. Такимъ образомъ Римлянинъ съ самаго ранняго возраста привыкалъ къ напыщенной, неестественной рѣчи, и вотъ одна изъ главныхъ причинъ того непріятнаго риторства, которымъ проникнуты произведенія даже лучшихъ римскихъ авторовъ этой эпохи.

Ювеналь перешелъ отъ безжизненныхъ декламацій къ живой сатирѣ въ то время, когда другіе нерѣдко кончаютъ свою литературную дѣятельность. Онъ уже пережилъ въ эту пору нѣсколько царствованій, — пережилъ Клавдія, Нерона, видѣлъ кровавую усобицу за власть между Гальбою, Отономъ и Вителліемъ. Наконецъ, Римъ отдохнулъ нѣсколько въ правленіе первыхъ Флавіевъ, Веспасіана и Тита, но какъ бы для того, чтобы еще болѣе почувствовать весь ужасъ деспотизма, когда на римскомъ тронѣ явился Домиціанъ.

Это одна изъ самыхъ чудовищныхъ личностей, даже между римскими цезарями. Это былъ человекъ очень властолюбивый, тщеславный, свирѣпый, но скрытный, умѣвшій до времени затаивать свою злобу, и въ то же время очень трусливый. Вообще, онъ много напоминаетъ собою Тиберія: не даромъ мемуары его составляли любимое чтеніе Домиціана. Подобно Тиберію и Нерону, онъ не разомъ обнаружилъ свою жестокость. Всѣ эти цезари сначала какъ будто приглядывались къ тому, что ихъ окружало, и потому первые годы ихъ правленія миновали тихо, мирно и даже не безславно. Но не прошло двухъ—трехъ лѣтъ, и они начинали свирѣпствовать. Въ этомъ фактѣ кроется, конечно, историческая причина. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти люди, свирѣпые уже по природѣ, испорченные лестью и воспитаніемъ, очень скоро убѣждались въ томъ, что ихъ народъ — нѣмая толпа рабовъ, готовая терпѣливо и равнодушно сносить самый необузданный произволъ.

Я нахожу глубоко вѣрнымъ слѣдующее, впрочемъ, очень обыкновенное замѣчаніе Гиббона о римской монархіи. Правительственная власть, говоритъ знаменитый англійскій историкъ, съ тѣми элементами, которые вошли въ составъ римскаго принципата, можетъ принять колоссальные, ужасающіе размѣры, если въ самомъ обществѣ

не будетъ достаточно нравственныхъ средствъ для ея ограниченія. Вотъ почему эпохи страшнаго деспотизма въ то же время эпохи глубокаго нравственнаго паденія цѣлой націи. Клавдій, Неронъ и Домиціанъ, которые ожесточили душу Ювенала, переполнили се сатирой и злобой, были прямымъ, самымъ логическимъ и необходимымъ результатомъ своего вѣка. Иначе прокураторы, то-есть губернаторы римскихъ провинцій, передавая приказанія Домиціана, не могли бы начинать свои циркуляры словами: «богъ и властелинъ нашъ повелѣваетъ тако.» Домиціанъ, какъ извѣстно, не дождался своей посмертной апофеозы; онъ еще при жизни торжественно объявилъ себя богомъ, а сенатъ и народъ раболѣпно преклонились передъ этимъ новымъ для человѣка титуломъ.

Римскій богъ началъ свою политическую карьеру съ того, что привлекъ на свою сторону чернь и войско. Онъ очень легко достигъ этого тѣмъ, что забавлялъ народъ великолѣпными зрѣлищами (въ циркѣ и въ амфитеатрѣ) и даровою раздачей хлѣба, а войску увеличилъ жалованье. Такова обыкновенная политика римскихъ цезарей.

Затѣмъ послѣдовали непрерывныя казни. Между прочимъ, богатство не рѣдко было въ это время единственною виною человѣка. Богатые люди часто были обвиняемы въ оскорбленіи величества или въ какомъ-нибудь другомъ, небываломъ преступленіи, и выводились на казнь только для того, чтобы деньгами ихъ покрылись расходы на увеселенія народа. Значительная часть конфискованнаго имущества отдавалась обыкновенно донощикамъ, и это было лучшее средство поощрить ихъ дѣятельность и усердіе.

Особенно въ послѣдніе годы своего пятнадцатилѣтняго царствованія, Домиціанъ свирѣпствовалъ съ такою оскорбительною для человѣчества жестокостію, что и теперь нельзя безъ отвращенія и ужаса читать страшную повѣсть его правленія. Нѣсколько слабыхъ попытокъ освободить Римъ отъ этого тирана только безплодно увеличили число жертвъ и казней. Тяжелое было время!

Въ эту-то пору Ювеналь началъ писать сатиры. Ему было за сорокъ лѣтъ, и уже изъ этого видно, что его произведенія не служили выраженіемъ минутнаго юношескаго порыва: это было негодованіе вполне зрѣлаго человѣка, невольное проявленіе гнѣва, который накипѣлъ въ душѣ поэта въ долгіе годы отчаянія.

Время Домициана было, конечно, не литературное. Въ этотъ страшный вѣкъ и могли только безопасно писать такіе поэты, какъ Марціалъ и Стацій, которые не стыдились называть Домициана великимъ человѣкомъ и обращаться къ нему въ своихъ произведеніяхъ съ самою грубою лестью. Казалось бы, что если не нравственное чувство, то простой литературный тактъ могъ удержать отъ подобной низости такого остроумнаго и первокласснаго писателя, какъ Марціалъ, но не такъ было.

И вотъ, среди этой услужливой литературы, неожиданно раздался благородный и гнѣвный голосъ Ювенала. Раздался, впрочемъ, этотъ голосъ сначала не всенародно, для немногихъ. Сатирикъ, не подвергая себя крайней опасности, разумѣется, не могъ открыто выступить съ своимъ бичующимъ протестомъ въ такое время, когда безчестныя дѣла вели къ почестямъ, а задушевное, патріотическое слово считалось преступленіемъ. Припомнимъ здѣсь смерть благородныхъ историковъ: Арулена Рустика и Гереннія Сенеціона, которыхъ Домиціанъ велѣлъ казнить подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ. Въ то же время Эпиктетъ и другіе философы были изгнаны изъ Рима, какъ люди, опасные для общественнаго порядка и спокойствія... Такъ иногда на официальномъ языкѣ называется душный и смрадный застой.

Ювеналь могъ сначала, и то тайкомъ, читать свои сатиры только друзьямъ. Эта осторожность, однако, не помогла. Шпіоны, которые при Домиціанѣ составляли весьма значительную часть римскаго народонаселенія, донесли, кому слѣдуетъ, что явился новый писатель, съ убѣжденіями, несогласными съ видами правительства, что онъ пишетъ сатиры и въ одной изъ нихъ неуважительно отозвался даже о Парисѣ. Парисъ этотъ — личность весьма замѣчательная: это одинъ изъ самыхъ типическихъ клеветовъ Домиціана, отъ которыхъ зависѣла участь почти цѣлаго міра; въ сущности же это былъ пантомимъ, то-есть балетный танцоръ, большой любимецъ римской публики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, временщикъ. Онъ пользовался неограниченнымъ вліяніемъ при дворѣ *).

*) При Неронѣ также жилъ въ Римѣ пантомимъ Парисъ и былъ въ большой силѣ, но Ювеналь, очевидно, не его имѣлъ въ виду въ VII сатирѣ. Поэтъ былъ въ это время

Въ одной изъ своихъ сатиръ, именно въ еедьмой (ст. 82 и слѣд.), Ювеналь выставилъ, конечно, очень извѣстный въ Римѣ фактъ, что, при содѣйствіи Париса, легче всего получить почетное и доходное мѣсто. Обращаясь затѣмъ къ современнымъ писателямъ, поэтъ говоритъ, что напрасно они толпятся въ прихожихъ знати, и совѣтуетъ имъ испытать счастья въ прихожей Париса.

Ювеналь, какъ мы увидимъ, дорого заплатился за свою острогу, но надобно замѣтить, что и танцоръ-вельможа, котораго онъ задѣлъ, вскорѣ кончилъ свою блистательную карьеру очень трагически. Отъ Париса, между прочимъ, были безъ ума римскія дамы, и въ числѣ его почитательницъ самое видное мѣсто занимала супруга цезаря, Домиція. Она, должно-быть, уже слишкомъ далеко простерла свою любовь къ пантомимному искусству, потому что Домиціанъ удалилъ ее отъ двора, а Париса, въ припадкѣ ревности, закололъ на улицѣ кинжаломъ. Цезарь велѣлъ казнить даже тѣхъ, которые усыпали цвѣтами то мѣсто, гдѣ погибъ любимый актеръ.

Впрочемъ, эта катастрофа случилась уже позже, а въ то время какъ Ювеналь вывелъ въ своей сатирѣ Париса, онъ былъ еще въ полной силѣ, и потому не удивительно, что поэтъ пострадалъ за свое обличительное слово: онъ былъ сосланъ въ Египетъ *).

еще очень молодъ, и если писалъ, то исключительно школьныя декламаціи. Здѣсь необходимо разумѣть Париса Домиціанова вѣка. Подробнѣе объ этихъ Парисахъ говорится въ *Пропилеяхъ*, т. IV, въ моей статьѣ *Римскія пантомимы*. Замѣтимъ еще, что мѣсто о Парисѣ, принадлежавшее первоначально одному изъ раннихъ произведеній Ювенала, уже позже внесено имъ въ VII сатиру, которая, какъ видно изъ перваго стиха, появилась при Траянѣ. Мы держимся того мнѣнія, что именно этого императора нужно разумѣть здѣсь подъ словомъ Caesar.

*) Заподозрѣнный нѣкоторыми учеными фактъ о ссылкѣ Ювенала въ Египетъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, и вполне подтверждается пятнадцатой сатирой, гдѣ поэтъ говоритъ объ этой странѣ, какъ очевидецъ. Но въ древней біографіи Ювенала прибавлено еще, что онъ былъ посланъ туда восьмидесятилѣтнимъ старикомъ, и при томъ съ званіемъ префекта когорты. Такое показаніе съ перваго раза поражаетъ своею невѣрностію и странностію. Очевидно, оно произведеніе фантазіи досужаго грамматика, который перемѣшалъ годъ смерти Ювенала съ годомъ его ссылки. Притомъ, кому же могло придти на умъ сдѣлать префектомъ когорты восьмидесятилѣтняго старика? Трудно даже предположить, что Ювеналь когда-нибудь служилъ въ войскѣ, если обратить вниманіе на XVI его сатиру. Наконецъ, если вѣрить на слово грамматика, то нужно принять, что Ювеналь былъ сосланъ при Адрианѣ, но такой выводъ совершенно противорѣчитъ дру-

Наконецъ и самъ Домиціанъ сошелъ со сцены: онъ погибъ при одной изъ тѣхъ придворныхъ революцій, которыя были такъ обыкновенны въ Римской имперіи. Нѣсколько клеветовъ Домиціана задушили его въ самомъ дворцѣ. Въ этомъ заговорѣ участвовала Домиція и начальникъ преторіанской гвардіи Петроній Секундъ.

Римъ снова ожилъ, и въ этотъ разъ на довольно долгое время. Между прочимъ, свободно вздохнули и римскіе писатели.

Очень любопытно слѣдить за разными проявленіями того восторга, съ которымъ литература привѣтствовала въ эту пору новую эпоху. Это, конечно, была лучшая эпоха въ исторіи римскаго принципата: она началась Нервою, который вскорѣ взялъ себѣ въ соправители Траяна, и кончилась Маркомъ Авреліемъ.

Этотъ восторгъ не могъ подавить въ Тацитѣ, современникѣ Ювенала, мрачнаго чувства, при воспоминаніи о прежнемъ тяжеломъ времени. Вотъ что писалъ Тацитъ вслѣдъ за смертью Домиціана:

«Да, мы поистинѣ представили собою большое доказательство терпѣнія, и какъ прежній вѣкъ видѣлъ крайній предѣлъ свободы, такъ мы видѣли крайній предѣлъ рабства, — когда розыски отняли

гимъ показаніямъ, которыя мы находимъ въ древней біографіи римскаго сатирика. Такъ, напримѣръ, біографъ прямо называетъ пантомима Париса виновникомъ ссылки Ювенала, а такого пантомима при Адрианѣ не было. Затѣмъ грамматикъ говоритъ, что Ювеналь занимался декламаціями почти до половины своей жизни (*ad mediam fere aetatem*), слѣдовательно — до сорокалѣтняго возраста, когда онъ началъ писать сатиры, а сорокъ лѣтъ поэту исполнилось въ началѣ царствованія Домиціана. Не смотря на явное противорѣчіе и запутанность показаній древняго грамматика, они до сихъ поръ еще повторяются учеными, и при томъ не только Низаромъ и Борбергомъ, но Гейнрихомъ, Франке и др. Нѣтъ сомнѣнія, какъ это утверждалъ уже Юстъ Липсіи, что Ювеналь былъ сосланъ въ Египетъ Домиціаномъ. Къ этому же времени должно отнести первыя шесть сатиръ Ювенала, за исключеніемъ четвертой. Начало VII сатиры явно указываетъ на оживленность, которую римская литература получила при Траянѣ. Это мнѣніе уже принято нѣкоторыми учеными, напримѣръ Веберомъ, и мы увѣрены, что со временемъ оно сдѣлается преобладающимъ въ наукѣ. Прибавимъ еще одно замѣчаніе. Говоря о заслугахъ Римлянъ въ сатирѣ, Квинтиліанъ (*Inst. Or. X, 1 § 95*), очевидно, намекаетъ на Ювенала въ слѣдующихъ словахъ: «и теперь есть у насъ знаменитые (въ этомъ родѣ) писатели, имена которыхъ будутъ раздаваться и въ потомствѣ». Изъ этихъ уклончивыхъ словъ ясно видно, что Ювеналь не пользовался расположеніемъ Домиціана, къ которому Квинтиліанъ былъ близокъ, какъ воспитатель его племянника. Иначе, что же могло заставить римскаго критика умолчать о Ювеналѣ?

у насъ возможность даже говорить и слушать. Мы утратили бы, вмѣстѣ съ словомъ, самую память, если бы забвеніе на столько же было въ нашей власти, на сколько — молчаніе.

«Но теперь, продолжаетъ благородный историкъ, бодрость слова къ намъ возвращается. При самомъ зарожденіи новаго, благодатнаго вѣка, Нерва умѣлъ соединить то, что прежде казалось несоединимымъ — императорскую власть и свободу, а Траянъ съ каждымъ днемъ увеличиваетъ благоденствіе государства. Общественное благосостояніе основано теперь не на однихъ только надеждахъ и желаніяхъ, но на твердой увѣренности въ томъ, что эти желанія исполнятся. Однако, по свойству слабости человѣческой, лѣкарство дѣйствуетъ медленнѣе, чѣмъ злая немочь, и какъ тѣло укрѣпляется не скоро, а разрушается быстро, такъ точно гораздо легче подавить таланты и науку, чѣмъ воззвать ихъ къ жизни ¹⁾...»

Ювеналь также ободрился. Онъ, по прежнему, съ тяжелымъ чувствомъ презрѣнія смотритъ на римское общество, но съ довѣріемъ обращается къ новому правительству. «Вся надежда и опора литературы, говоритъ онъ ²⁾, теперь въ одномъ только цезарѣ. Онъ одинъ въ это трудное время обратилъ вниманіе на печальныхъ Камень, постѣ того какъ прославленные и всѣмъ извѣстные наши поэты стали брать на откупъ — кто баню въ Габіяхъ, а кто пекарню въ самомъ Римѣ, и голодная муза, покинувъ долины Аганишпы, переселилась въ прихожія богачей.» Отрадно было поэту обратиться къ молодому поколѣнію съ такими словами ³⁾: «трудитесь, юноши, на васъ устремлены взоры благодушнаго императора; онъ поощряетъ васъ къ дѣятельности и только ищетъ повода благотворить вамъ.»

Надежды Ювенала на новое правительство оправдались только отчасти. Траянъ былъ, конечно, однимъ изъ лучшихъ цезарей, и вполне заслужилъ титулъ «Optimus», которымъ почтили его Римляне, но онъ почти все время своего царствованія провелъ въ войнахъ, и постоянно стремился къ увеличенію и безъ того необъятнаго

1) Agricola, конецъ II и начало III главы.

2) Въ началѣ VII сатиры.

3) Ibid. ст. 20.

Римскаго государства. Нельзя отрипать, что онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ отличный администраторъ, заботился о воспитаніи своихъ подданныхъ, увеличилъ число школъ въ Римѣ, учредилъ новую общественную библіотеку, но царствованіе его не вызвало къ дѣятельности ни одного замѣчательнаго писателя, потому что Тацитъ, Ювеналь, Марціаль и Квинтиліанъ созрѣли для литературы еще въ предшествующую эпоху. За то прежніе дѣятели могли теперь открыто выступить съ тѣми самыми произведеніями, за которыя имъ еще такъ недавно грозила тюрьма, казнь и ссылка.

Вмѣстѣ съ свободой рѣчи исчезла, какъ это обыкновенно бываетъ, тайная литература, которая, составляя запретный плодъ, уже тѣмъ самымъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе общества въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ литература привилегированная, но въ то же время стѣсненная до самыхъ узкихъ размѣровъ, не допускающихъ ни свѣтлой мысли, ни живаго слова. Ювеналу, который между тѣмъ былъ возвращенъ изъ ссылки, также открылась теперь возможность издать въ свѣтъ свои сатиры. Во всю свою остальную жизнь, которая, по всей вѣроятности, прошла очень спокойно *), онъ не переставалъ трудиться для литературы и, какъ это легко доказать, постоянно просматривалъ прежнія свои произведенія, многое въ нихъ измѣнялъ и дополнялъ. Онъ даже не успѣлъ кончить свой заключительный литературный трудъ: послѣдняя, шестнадцатая сатира Ювенала набросана имъ въ видѣ эскиза, который, безъ сомнѣнія, современемъ долженъ былъ получить болѣе изящную и правильную форму.

Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что послѣднія произведенія Ювенала, начиная съ двѣнадцатой сатиры, носятъ на себѣ слѣды утомленія и какой-то вялости. Видно, что въ поэтѣ исчезла его прежняя энергія и впечатлительность. Многословіе этихъ сатиръ обличаетъ въ авторѣ человека преклонныхъ лѣтъ; съ другой стороны, не только спокойный и умѣренный, но и вялый тонъ этихъ сатиръ объясняется тѣмъ, что онѣ писаны въ такое время, когда душа поэта

*) Мы уже замѣтили, что Ювеналь умеръ восьмидесятилѣтнимъ старикомъ. Это было въ 121 или 122 г. по Р. X.

уже не раздражалась постоянными оргіями цезарской власти. Нѣтъ сомнѣнія, что лучшими своими произведеніями, то—есть начальными сатирами, Ювеналь обязанъ Домиціану: онѣ сложились подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ его деспотизма и отличаются необыкновенною силой.

(Первая сатира, безспорно, одно изъ лучшихъ, изъ самыхъ выдержанныхъ, искреннихъ и глубоко прочувствованныхъ произведеній Ювенала. Онъ рисуетъ здѣсь общую картину римскихъ нравовъ, и въ то же время объясняетъ, что заставило его сдѣлаться сатирикомъ. Мы ~~вообще пользуемся~~^{используемся} ~~этой~~^{этой} сатирой, ~~чтобы~~^{чтобы} ближе ~~узнать~~^{узнать} Ювенала, какъ человѣка и писателя.

Поэтъ начинаетъ ее насмѣшкой надъ однимъ обычаемъ, который задолго до него вошелъ въ моду: это публичныя чтенія. Въ древнемъ мірѣ этотъ обычай имѣлъ больше значенія, чѣмъ въ наше время, потому что тогда, при отсутствіи книгопечатанія, авторамъ мало представлялось другихъ средствъ познакомить публику съ своими произведеніями. Правда, что уже въ періодъ Цицерона существовали въ Римѣ книгопродавцы-издатели. Они держали цѣлыя толпы переписчиковъ и выставляли въ своихъ лавкахъ, во множествѣ экземпляровъ, сочиненія любимыхъ авторовъ. Въ вѣкъ Августа особенною дѣятельностію отличались книгопродавцы братья Созіи. Но, во всякомъ случаѣ, знакомство съ новою книгой было въ это время дѣломъ не очень легкимъ. Вотъ почему публичныя чтенія быстро распространились въ Римѣ съ самаго начала періода имперіи. Вскорѣ, однако, это полезное учрежденіе получило въ Римѣ безобразный характеръ. Публичныя чтенія, уже во время Горація, рѣдко представляли образованному человѣку случай провести время пріятно и съ пользой. При отсутствіи публичныхъ интересовъ, литературныя бесѣды сдѣлались поприщемъ для самолюбія и тщеславія. Каждый бездарный поэтъ, написавъ какое-нибудь тощее произведеніе, спѣшилъ пригласить своихъ друзей, родныхъ и кліентовъ на литературную бесѣду, и онѣ, наконецъ, такъ размножились, что иногда въ продолженіе цѣлаго мѣсяца безъ нихъ не проходило ни одного дня.)

Не удивительно, что въ вѣкъ Ювенала литературные вечера окончательно всѣмъ наскучили. Къ тому же, это время, какъ мы уже замѣтили, особенно отличалось, за весьма немногими исключеніями, отсутствіемъ оригинальности и творчества въ литературѣ. Поэты или брали содержаніе для своихъ произведеній почти исключительно изъ Гомера и греческихъ трагиковъ, а это были сюжеты, давно знакомые римской публикѣ, или, какъ Папиній Стацій, старались блистать легкими и пустыми импровизациями. Для того чтобы привлечь слушателей въ аудиторію, употреблялись всѣ возможныя средства. Если читалъ богатый человѣкъ, то зала наполнялась его друзьями, и въ особенности должниками и кліентами. Последнимъ нерѣдко платили за это деньгами или натурой. Кромѣ того, есть поводъ думать, что въ Римѣ существовалъ многочисленный классъ особаго рода промышленниковъ, которые, за извѣстную плату, всякому предлагали свои услуги и, вмѣстѣ съ кліентами читающаго, производили въ залѣ страшный шумъ, безпрестанно прерывая чтеніе громкими одобрительными восклицаніями и хлопаньемъ. Зато съ писателями, которые не отличались ни богатствомъ, ни знатностію, римская публика не очень церемонилась. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, Плиній-Младшій горько жалуется на то, что многіе изъ приглашенныхъ на публичное чтеніе остаются за дверями залы и проводятъ время въ пустыхъ разговорахъ. При этомъ, говоритъ Плиній, они справляются по временамъ, вошелъ ли читающій въ залу, окончилъ ли вступленіе, и лишь когда узнаютъ, что большая часть рукописи прочитана, тогда только, и то медленно и какъ бы нехотя, входятъ въ залу. Но и тутъ они не въ состояніи выждать до конца и начинаютъ расходиться, одни украдкой, незамѣтно, другіе открыто и не стѣсняясь приличіями. Такъ ли, прибавляетъ Плиній, бывало въ прежніе годы *)?

Ювеналь также, по свидѣтельству его біографа, раза два или три, и притомъ съ большимъ успѣхомъ являлся передъ римскою публикой съ своими сатирами, но вообще онъ, какъ видно, не очень жаловалъ эти чтенія.

*) См. *Пропилеи*, т. V, стр. 125.

«Неужели, такъ начинается поэтъ свою сатиру ¹⁾, я навсегда останусь только слушателемъ? Неужели я никогда не отплачу, я, котораго такъ часто терзала безконечная *Оезеида* съ своимъ охрипшимъ авторомъ, Кодромъ? Неужели совершенно безнаказанно одинъ будетъ читать мнѣ свои національныя комедіи, а другой — элегіи? Безнаказанно отнимутъ у меня цѣлый день огромный *Телефъ* или *Орестъ*, который исписанъ и на поляхъ, и на оборотѣ свертка, и все еще не конченъ ²⁾)?

«Никому не знакомъ такъ хорошо свой собственный домъ, какъ мнѣ (эти общія мѣста, которыми наполнены произведенія нашихъ поэтовъ) эти рощи Марса и пещеры Вулкана, что въ сосѣдствѣ съ Эоловыми скалами ³⁾. Какъ воютъ вѣтры, какія тѣни мучить въ подземномъ царствѣ Эакъ, откуда Язонъ привезъ похищенное имъ золотое руно, сколько ясеней мечетъ кентавръ Монихъ, вотъ чѣмъ постоянно оглашаются обсаженные платанами залы Фронтонна ⁴⁾, гдѣ мраморныя стѣны растрескались, а колонны полопались отъ безпрестанныхъ чтеній. И этого жди отъ лучшаго, и отъ самаго ничтожнаго поэта!

«Но вѣдь и я когда-то отдергивалъ руку изъ-подъ ферулы (линейки), и я когда-то писалъ школьныя декламации, въ которыхъ совѣтовалъ Суллѣ, сложивъ съ себя диктаторство, сдѣлаться частнымъ человѣкомъ и спать себѣ спокойно. Глупо скромничать и беречь бумагу, обреченную и безъ того на гибель, когда вездѣ, на каждомъ шагу, встрѣчаешь въ Римѣ столько поэтовъ!

1) Необходимость обойтись по возможности безъ длиннаго комментарія требовала ввести нѣкоторыя объяснительныя слова въ самый текстъ моего перевода. Впрочемъ, я старался передать латинскій подлинникъ съ возможною точностію, и собственные мои вставки, которыхъ очень немного, надѣюсь, нисколько не измѣняютъ его колорита.

2) Подъ *Оезеидой* разумѣется здѣсь огромная поэма, при чтеніи которой авторъ ея, плохой поэтъ Кодръ, охрипъ. Имя Кодра, вѣроятно, вымышленное. *Телефъ* и *Орестъ* — заглавія трагедій, отъ которыхъ, безъ сомнѣнія, Ювеналу пришлось много страдать на публичныхъ чтеніяхъ.

3) Подъ Эоловыми скалами нужно разумѣть здѣсь Липарскіе острова, а подъ пещерой Вулкана — Гіеру, одинъ изъ острововъ этой группы. Теперь онъ называется Волькано.

4) Фронтонъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ меценатовъ своего вѣка, благосклонно предлагавшій поэтамъ свою залу для публичныхъ чтеній.

«Отчего же, однако, мнѣ вздумалось ратовать на томъ полѣ, куда направилъ своихъ коней отецъ римской сатиры Луцилій, великій питомецъ Аврунки ¹⁾? Если у васъ есть время, и вы готовы благосклонно выслушать мои доводы, то я вамъ изложу ихъ.

«Когда (все дѣлается противъ природы) безсильный кастратъ женится, а Мевія, римская матрона, всенародно выходитъ, съ обнаженною грудью, на арену амфитеатра, держать въ рукѣ охотничье копье и вонзаетъ его въ этрусскаго вепря; когда тотъ самый человекъ, подъ бритвой котораго, какъ я былъ еще юношей, скрыпѣла моя жесткая борода, какъ бы вызываетъ своими богатствами на споръ съ собой всѣхъ нашихъ патриціевъ; когда Криспинъ ²⁾, честица нильской черни, рабъ изъ Канопы, поправляетъ плечомъ съѣхавшій плащъ изъ тирскаго пурпура и выставляетъ на показъ свои потные пальцы, обремененные драгоценными лѣтными перстнями ³⁾, — когда я вижу все это, то трудно не писать сатиру.

«Кто же на столько терпѣливъ въ этомъ безчестномъ городѣ, кто на столько желѣзный человекъ, чтобы совладать съ собой, когда повстрѣчается ему новая, пышная лектика ⁴⁾, переполненная подъячимъ Маономъ ⁵⁾? А вотъ и шпионъ. Онъ сдѣлалъ доносъ на своего сильнаго друга, и вскорѣ отниметъ послѣднее, что еще осталось у нашей обглоданной знати ⁶⁾.

1) Аврунка, то-есть Суесса-Аврунка, небольшой городъ Кампаніи, откуда былъ родомъ Луцилій, предшественникъ, въ сатиры, Горація, Персія и Ювенала.

2) Криспинъ, любимецъ Домиціана, былъ привезенъ рабомъ изъ Египта. Въ Римѣ онъ сдѣлался въ послѣдствіи донощикомъ, всадникомъ и сенаторомъ. Такимъ онъ является у Ювенала въ IV сатиру, ст. 108.

3) Въ подлинникѣ сказано, что Криспинъ «играетъ лѣтными перстнями на потныхъ пальцахъ и не можетъ выносить тяжести другихъ своихъ, еще болѣе огромныхъ, колецъ съ драгоценными камнями». Этими словами Ювеналъ обозначаетъ роскошь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изнѣженность Криспина. Кромѣ лѣтныхъ перстней, у него, какъ видно, были еще зимніе, тяжести которыхъ онъ не могъ вынести лѣтомъ. Но и лѣтніе перстни Криспина, то-есть вставленные въ нихъ драгоценные камни, были такъ тяжелы, что отъ нихъ потѣли его руки.

4) То-есть носилки, обыкновенный римскій экипажъ.

5) Стряпчій (causidicus) Маонъ такъ отъѣлся, что едва умѣщается на своихъ носилкахъ.

6) Неизвѣстно, о комъ здѣсь рѣчь. Можетъ-быть, о Регулѣ, одномъ изъ самыхъ страшныхъ донощиковъ, которыхъ такъ много было при Домиціанѣ. У Ювенала при-

«Говорить ли, какимъ гнѣвомъ горитъ моя изсохшая печень, когда грабитель-опекунъ, который довелъ до слезъ и отчаянія ¹⁾ бѣдныхъ сиротъ, огромною ватагой своей челяди давитъ народъ по римскимъ улицамъ, или когда ссыльный проконсулъ Марій, осужденный безплоднымъ, пустымъ приговоромъ, — что такое безчестіе, если деньги цѣлы? — начинаетъ пировать съ двухъ часовъ пополуночи и наслаждается себѣ, при гнѣвѣ боговъ, а ты, побѣдоносная провинція, ты плачешь ²⁾!..»

«И мнѣ не думать, что это достойно сатиры ³⁾? и мнѣ не карать всего этого? Но чѣмъ же лучше мифологическіе сюжеты, всѣ эти басни о Геркулесѣ, о Диомедѣ, о мычаніи, которое раздавалось въ критскомъ лабиринтѣ, объ отрокѣ Икарѣ и о летящемъ кудесникѣ Дедалѣ?»

«Когда самъ мужъ продаетъ свою жену съ тѣмъ, чтобы получить наслѣдство отъ нея милаго, этотъ мужъ, который порой такъ

бавлено еще, что это такой донощикъ, «котораго боится Массъ, задабриваетъ подарками Каръ, и къ которому напуганный Латинъ подослалъ Омелу». Массъ и Каръ также донощики, извѣстные изъ Тацита и писемъ Плинія-Младшаго. Латинъ и Омела, актеръ и актриса, можетъ-быть мужъ и жена. Впрочемъ, происшествіе, на которое дѣлаетъ здѣсь намекъ римскій сатирикъ, намъ неизвѣстно. Затѣмъ слѣдуетъ мѣсто, которое вполне отличается античною безцеремонностію, и потому мы опустили его въ нашемъ переводѣ.

1) Вмѣсто обыкновеннаго чтенія *prostantis*, мы приняли здѣсь чтеніе *plorantis*.

2) Марій Прискъ былъ обвиненъ въ томъ, что ограбилъ провинцію Африку. Этотъ процессъ замѣчателенъ тѣмъ, что его вели Плиній-Младшій и Тацитъ. Они, разумѣется, употребили всѣ усилія, все свое краснорѣчіе для того, чтобы выставить въ яркомъ свѣтѣ преступленія, которыми запятналъ себя Марій Прискъ. Сенатъ, подъ предсѣдательствомъ Траяна, цѣлые три дня разбиралъ это дѣло (въ январѣ 100 г. по Р. Хр.), и въ одномъ изъ этихъ засѣданій Плиній (онъ описалъ этотъ процессъ въ своихъ письмахъ) говорилъ противъ Приска болѣе пяти часовъ сряду. Прискъ былъ осужденъ. Его приговорили удалиться изъ Италіи и отдать награбленные деньги, но онѣ не были возвращены въ провинцію, а поступили въ государственное казначейство. Этимъ объясняются слова Ювенала о побѣдоносной провинціи, которой пришлось плакать. Съ другой стороны у Марія Приска довольно осталось денегъ для того, чтобы вести роскошную жизнь и *блаженствоватъ въ отставку подѣ судомъ*. Этотъ стихъ Грибоѣдова какъ нельзя больше соотвѣтствуетъ выраженію Ювенала: «*fuitur, diis iratis*».

3) У Ювенала сказано: «и мнѣ не думать, что все это достойно везувійской лампы», то-есть достойно сатиры, въ родѣ тѣхъ, какія, при свѣтѣ лампы, писалъ Горацій, уроженецъ города Везувіи.

хорошо умѣетъ смотрѣть въ потолокъ, или, уткнувъ свой носъ, храпѣть, но не спать за стаканомъ вина ¹⁾; когда смѣетъ разчитывать на почетную должность въ войскѣ челоуѣкъ, который растратилъ все богатство своихъ предковъ на конюшни и продолжаетъ летать на быстрой колесницѣ по Фламиніевой дорогѣ ²⁾... то невольно беретъ тебя желаніе тутъ же, на самомъ перекресткѣ, писать огромную сатиру...

«Вотъ шесть рабовъ несутъ открытыя носилки, а на нихъ, въ подражаніе Меценату ³⁾, развалился дѣлатель фальшивыхъ завѣщаній. Обманомъ, небольшимъ клочкомъ бумаги да наслоненною печатью онъ добылъ себѣ и богатство и счастье... А вотъ и знатная матрона... Когда мужу захочется пить, она подастъ ему мягкаго каленскаго вина и тутъ же подмѣшаетъ въ него ядъ. Лучше всякой Локусты ⁴⁾, она учитъ еще неопытныхъ родственницъ, не обращая вниманія на толки въ народѣ, хоронитъ почернѣлые трупы своихъ мужей.

1) Эта торговля женами (*lenocinium mariti*) была въ Римѣ самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Плутархъ рассказываетъ очень забавный анекдотъ, который хорошо рисуетъ римскіе нравы. Однажды, какой-то Гальба угощаль у себя Мецената, и замѣтивъ, послѣ обѣда, что онъ очень нѣжно посматриваетъ на его жену, притворился спящимъ. Одинъ изъ рабовъ Гальбы вздумалъ воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы стянуть со стола бутылку вина, но Гальба вдругъ открылъ глаза и гнѣвно сказалъ своему слугѣ: «развѣ ты не знаешь, негодяй, что я сплю только для Мецената?» Это знаменитое «*non omnibus dormio*» вошло въ Римѣ въ пословицу.

2) Вслѣдъ за этими словами въ подлинникѣ прибавлены еще слѣдующія: «ибо *самъ онъ*, подобно юному Автомедонту, держаль въ рукахъ вожжи, рисуясь передъ своею *милою въ шинели*». Это одно изъ очень темныхъ мѣстъ въ сатирахъ Ювенала. Отъ перестановки знаковъ препинанія въ древнемъ текстѣ, оно можетъ получить также слѣдующій смыслъ: «ибо юный Автомедонтъ правилъ конями въ то время, какъ *самъ онъ* рисовался передъ своею *милою въ шинели*». Думаютъ, что подъ словомъ *самъ* должно разумѣть здѣсь Нерона, при которомъ страсть къ лошадямъ и ристалищамъ очень усилилась въ Римѣ, а подъ *милою въ шинели* — Спора. Отношенія къ нему Нерона извѣстны. Замѣтимъ еще, что Фламиніева дорога — теперешнее *Корсо*.

3) Меценатъ былъ извѣстенъ въ Римѣ своею изнѣженностію, которая впрочемъ, отчасти объясняется тѣмъ, что онъ очень долго страдалъ изнурительною лихорадкою и вообще былъ челоуѣкъ очень болѣзненный. Римскіе денди, какъ видно, подражали, въ своихъ наружныхъ приемахъ, Меценату даже долгое время спустя послѣ его смерти.

4) Это извѣстная римская отравительница. При ея помощи, Агриппина освободилась отъ Клавдія, а Неронъ — отъ Британника.

«Рискни на дѣло, за которое слѣдовало бы тебя сослать на островъ Гіаръ ¹⁾, или посадить въ тюрьму, если ты хочешь сдѣлаться чѣмъ-нибудь. Честность въ наше время прославляется только риторамъ... и мерзнетъ. Преступленіямъ обязаны эти люди своими садами, дворцами, дорогими столами, стариннымъ серебромъ и кубками съ богатымъ золотымъ чеканомъ ²⁾. Кому даютъ спокойно уснуть соблазнитель своихъ жадныхъ невѣстокъ, или эти гнусныя невѣсты ³⁾ и отроки-прелюбодѣи? Если природа отказала мнѣ въ стихѣ, то родить его негодованіе, — пусть этотъ стихъ будетъ хоть изъ тѣхъ, какіе пишу я или Клувіенъ ⁴⁾».

«Все, что дѣлаютъ люди со времени потопа Девкаліонова: ихъ желанія, страхи, гнѣвъ, веселье, радости, суета — вотъ что составитъ пестрое содержаніе моей сатиры ⁵⁾. И когда же масса пороковъ была обильнѣе? когда большій просторъ открывался для корысти? когда страсть къ игрѣ сильнѣе овладѣвала душой человѣка? Теперь отправляются у насъ къ игральному столу не просто съ кошелькомъ, а мечутъ кости, поставивъ подлѣ себя цѣлый сундукъ съ деньгами. И какія битвы увидишь ты тамъ, гдѣ рабъ-казначей является оруженосцемъ! Развѣ это не больше чѣмъ простое сумасшествіе проигрывать въ одинъ вечеръ по сту тысячъ сестерцій, и отказывать въ одеждѣ продрогшему отъ холода рабу? Кто въ преж-

1) Одинъ изъ Кикладскихъ острововъ, въ Эгейскомъ морѣ, служившій, при императорахъ, мѣстомъ ссылки.

2) Въ подлинникѣ сказано: «и козломъ, который выдается на чеканѣ кубка». Здѣсь, конечно, разумѣется золотой кубокъ съ художественными рельефами, сюжетъ которыхъ былъ заимствованъ изъ вакхическаго культа.

3) Подъ гнусными невѣстами разумѣются здѣсь тѣ самые люди, которыхъ Ювеналь выше назвалъ «милыми въ шинели».

4) Это совершенно неизвѣстный и, разумѣется, бездарный поэтъ, надъ которымъ здѣсь мимоходомъ смѣется Ювеналь.

5) Мы нѣсколько сократили это мѣсто. Въ подлинникѣ, къ приведеннымъ словамъ прибавлены еще слѣдующія: «Все, что дѣлаютъ люди съ тѣхъ поръ, когда дожди подняли равнину моря, и Девкаліонъ, поднявшись въ своемъ ковчегѣ на гору, спросилъ оракула, когда размягченные камни мало-по-малу согрѣлись душой, и Пирра представила нагихъ женщинъ новому поколѣнію мужей» и проч.

нее время строилъ столько вилъ? кто изъ нашихъ дѣдовъ одинъ, безъ гостей, имѣлъ за своимъ столомъ по семи перемѣнъ ¹⁾?

«Самый день прекрасно раздѣленъ у насъ по роду занятій: сначала утреннія поздравленія, а потомъ форумъ съ своимъ законовѣдомъ Аполлономъ ²⁾, и съ статуями триумфаторовъ, а между ними осмѣлился помѣстить свои титулы не знаю какой-то Египтянинъ или откупщикъ, передъ изображеніемъ котораго позволительно творить всякія пакости. Затѣмъ усталые старинные кліенты расходятся изъ прихожихъ своихъ патроновъ. Приходится бѣднякамъ купить кочанъ капусты да немного дровъ. А между тѣмъ, ихъ патронъ, ихъ царь ³⁾, будетъ пожирать все лучшее, что только производятъ лѣса и море, и одинъ, безъ гостей, возляжетъ на свои пустыя ложа. Да, наши богачи на одномъ обѣдѣ, гдѣ наставлено столько красивыхъ, огромныхъ и старинныхъ блюдъ, проѣдаютъ отцовское наслѣдство.

«Не будетъ больше параситовъ на свѣтѣ! Но кто же въ состояніи вынести такую грязную роскошь? Какова должна быть глотка, которая влагаетъ въ себя цѣлыхъ кабановъ, животное, созданное для многолюдныхъ пировъ!

«За то и наказаніе не заставляетъ долго себя ждать. Оно настагаетъ тебя въ то время, какъ ты, распухнувъ отъ жирнаго обѣда, тотчасъ послѣ него отправляешься въ баню и несешь туда съ собою неперевареннаго павлина. Оттого и умираютъ у насъ люди внезапно, и старики не успѣваютъ передъ смертью сдѣлать завѣщанія... И вотъ, разгуливаетъ по всѣмъ обѣдамъ свѣжая, нисколько не печальная новость, и снова тянется погребальная процессія, и глумятся надъ покойникомъ разсерженные друзья (которые разчитывали на наслѣдство).

1) Здѣсь мы выпустили превосходную и очень живую сцену раздачи *спортулъ* кліентамъ. Мы еще будемъ имѣть случай воспользоваться этою сценою.

2) Здѣсь идетъ рѣчь о такъ-называемомъ Форумѣ Августа. Между прочими украшеніями этой площади, на ней, при Августѣ, была поставлена статуя Аполлона изъ слоновой кости. Онъ здѣсь, въ шутку, называется законовѣдомъ потому, что подлѣ его изображенія, вѣроятно, находился трибуналъ претора. Бѣдному Аполлону каждый день приходилось выслушивать множество процессовъ, и онъ поневолѣ долженъ былъ сдѣлаться юристомъ.

3) Это было обыкновенное названіе патроновъ на языкѣ римскихъ кліентовъ.

«Потомству нечего прибавлять къ нашимъ правамъ. Наши внуки будутъ и желать и дѣлать то же, что и мы. Да, порокъ достигъ крайняго предѣла, дальше онъ идти не можетъ. Пользуйся же, писатель, попутнымъ вѣтромъ, распусти все паруса твоей сатиры!

«Но, можетъ-быть, спросятъ при этомъ: гдѣ же у меня талантъ, равносильный такому содержанію, гдѣ у меня эта простота, эта прямота рѣчи прежнихъ поэтовъ, которые писали все, чего только хотѣлось ихъ душѣ, когда она пылала негодованіемъ, — гдѣ эта прямота, которую я даже не смѣю назвать настоящимъ ея именемъ ¹⁾?

«— Что же за дѣло, скажутъ мнѣ, простить или не простить твоимъ словамъ какой-нибудь Муціи ²⁾? Да, попробуй вывести въ сатирѣ Тигеллина ³⁾, и ты засвѣтишь въ той иллюминаціи, гдѣ люди горятъ, стоя, и дымятъ привязаннымъ къ столбу горломъ, или оставишь за собой широкую борозду на аренѣ амфитеатра ⁴⁾.

«Итакъ, какой-нибудь отравитель трехъ своихъ дядей будетъ спокойно лежать на пуховикахъ своей высоко-поднятой лектики и оттуда презрительно смотрѣть на насъ?

«— Да, если онъ встрѣтится съ тобой, то зажми ротъ. Не то онъ сдѣлается твоимъ обвинителемъ; ему довольно сказать одно слово, сказать: вотъ онъ — и ты погибъ! А можешь ты, поэтъ,

1) Я думаю, нѣтъ необходимости объяснять, что подъ прямою рѣчи Ювеналь разумѣетъ здѣсь свободу слова.

2) Этимъ именемъ сатирикъ означаетъ здѣсь вообще вельможу. Муціи Сцеволы, въ періодъ республики, принадлежали къ очень замѣтнымъ членамъ римской аристократіи. Луцилій не щадилъ ихъ въ своихъ сатирахъ. См. I сатиру Персія, ст. 115.

3) Тигеллинъ пользовался огромнымъ вліяніемъ при Нероновомъ дворѣ. Ювеналь означаетъ здѣсь его именемъ вообще временщика.

4) Это мѣсто драгоцѣнно, какъ воспоминаніе поэта о мученической смерти первыхъ христіанъ. Это было послѣ огромнаго пожара, при Неронѣ. Tacit. Ann. XV, 44. Христіанъ обвинили въ томъ, будто они подожгли Римъ, и начались свирѣпыя казни. Между прочимъ, Неронъ устраивалъ въ своихъ садахъ иллюминаціи изъ живыхъ людей, при чемъ на нихъ надѣвали рубашки, пропитанныя разными горючими веществами. Эта страшная одежда называлась *tunica molesta*. Въ слѣдующихъ словахъ говорится о другой казни, очень обыкновенной въ древнемъ Римѣ, а именно о битвахъ людей, осужденныхъ на казнь, съ дикими звѣрями на аренѣ амфитеатра. Растерзанные трупы обыкновенно волочили по аренѣ, при чемъ они, по выраженію поэта, оставляли за собою *широкія борозды*; складывали ихъ въ особое мѣсто, которое называлось *spoliarium*.

безопасно обратиться къ мифологическимъ сюжетамъ; ты можешь, ничѣмъ не рискуя, свести въ битвѣ Энея съ свирѣпымъ Турномъ. Вѣдь никого не тревожитъ раненый Ахиллъ или Гиласъ, утонувшій вмѣстѣ съ своею урной *). Когда Луцилій гремѣлъ своею сатирой, какъ бы обнаженнымъ мечомъ, то краснѣлъ тотъ, чья совѣсть оцѣпенѣла отъ злодѣйствъ, и потъ выступалъ у него на груди, отъ тайнаго сознанія своихъ преступленій. Вотъ откуда и гнѣвъ, и слезы! Итакъ, поэтъ, обдумай все это до начала битвы. Поздно каяться въ ней тому, кто уже надѣлъ шлемъ.

«Попробую, что позволительно у насъ говорить хоть о тѣхъ, чей прахъ ужъ зарытъ на Фламиніевой или на Латинской дорогѣ» **).

Въ этой сатирѣ личность Ювенала рисуется очень живо, и притомъ съ лучшей своей стороны. Повторимъ, что это одно изъ самыхъ искреннихъ и выдержанныхъ произведеній римскаго сатирика. Всѣ они вызваны благороднымъ негодованіемъ. Смѣлый, честный гнѣвъ сатирика не рѣдко принимаетъ у Ювенала величественные размѣры и грандіозный характеръ; но нельзя не согласиться съ нимъ самимъ, что это еще не поэзія. Одна чистота убѣжденія еще не въ состояніи образовать поэта: для этого требуются иныя условія.

Теперь уже прошло время безотчетнаго поклоненія классической литературѣ. Настала пора спокойнаго анализа древнихъ авторовъ. Потому, при всемъ сочувствіи, которое возбуждаетъ въ насъ благородная личность Ювенала, мы не можемъ не видѣть слабой стороны въ его произведеніяхъ.

Вообще, должно замѣтить, что онъ съ гораздо—большимъ успѣхомъ овладѣлъ матеріаломъ сатиры, чѣмъ ея формой. Въ большей

*) Это былъ прекрасный юноша, любимецъ Геркулеса. По греческимъ преданіямъ, Гиласъ былъ похищенъ нимфою въ то время, какъ черпалъ воду изъ одного источника. Древніе поэты очень любили выводить его въ своихъ произведеніяхъ. *Cui non dictus Nyilas ruet?* говоритъ Виргилій.

**) Еще законами XII таблицъ запрещено было хоронить въ самомъ городѣ, и уже съ тѣхъ поръ кладбищами въ Римѣ служили большія дороги. Потому, въ особенности вблизи отъ городскихъ воротъ, онѣ были уставлены надгробными памятниками.

части произведений Ювенала нѣтъ и слѣда гармоническаго развитія преобладающей идеи, нѣтъ въ нихъ округленности и художественной цѣльности, которыя составляютъ необходимое условіе созданія искусства. вмѣсто этого мы не рѣдко встрѣчаемъ въ произведеніяхъ римскаго сатирика цѣлый рядъ общихъ мѣстъ, безъ всякой внутренней связи. Вся сила такой сатиры заключается въ ея рѣзкомъ, гнѣвномъ и грозномъ тонѣ, а это самое придаетъ хотя рельефный, но иногда односторонній характеръ картинамъ, которыя рисуетъ Ювеналь.

Сатиры Ювенала волнуютъ, дѣйствуютъ на нервы читателя, но не возвышаютъ его надъ грязною дѣйствительностію. Мы видимъ, что страшная эпоха, со всею своею нравственною уродливостію, совершенно какъ бы охватила собою поэта *), и онъ не въ состояніи отрѣшиться себя отъ своего вѣка, не въ состояніи возвыситься надъ нимъ, посмотрѣть на него свободными глазами. Сквозь житейскую тину нигдѣ не просвѣчиваетъ у Ювенала идеаль, который составляетъ такую существенную принадлежность поэзіи. Да и странно было бы требовать идеаловъ отъ писателя Домиціанова вѣка. Въ такую пору не могла процвѣтать поэзія, или она должна была утратить все свое обаяніе, точно такъ, какъ, во время голода, теряютъ всю свою цѣну роскошныя, гастрономическія блюда.

Притомъ изложенію Ювенала, въ большей части его сатиръ, много вредитъ декламація, которая вообще наложила свою печать почти на всѣ произведенія римской литературы. Ювеналь постоянно увлекается риторическими блестками, или, вѣрнѣе, не можетъ отъ нихъ освободиться. Многословіе, повтореніе, или — употребимъ выраженіе древнихъ риторовъ — *амплификація* одной и

*) Въ особенности непріятно поражаетъ въ Ювеналѣ цинизмъ его, независимо отъ грязныхъ картинъ, которыя онъ долженъ былъ рисовать, чтобы сколько-нибудь исчерпать свою тему. Ювеналь любитъ циническія выраженія и картины, и не рѣдко прибѣгаетъ къ нимъ даже тамъ, гдѣ вовсе не было въ нихъ нужды. Отзывы его о римской женщинѣ, несмотря на то, что она опозорила себя своимъ развратомъ, постоянно отличаются самою непристойною рѣзкостію (въ особенности въ VI сатирѣ) и какою-то непримиримую ненавистію. Эту черту въ характерѣ Ювенала Веберъ старается извинить тѣмъ, что римскій поэтъ не былъ счастливъ въ супружествѣ. Разумѣется, это одно только предположеніе.

той же мысли, все это производит не очень пріятное впечатлѣніе на читателя Ювеналовыхъ сатиръ. Но, съ другой стороны, человѣку, который говоритъ отъ души, невозможно постоянно оставаться риторомъ, и приведенная нами первая сатира Ювенала служить лучшимъ доказательствомъ того. Его гнѣвъ большею частію не искусственный, не поддѣльный; онъ взятъ не изъ школы, а изъ жизни, и должно прибавить, что этотъ честный гнѣвъ, какъ всякій сильный и благородный порывъ, овладѣвающій душою человѣка, порой возвышается у Ювенала до художественнаго паѳоса.

Эта-то смѣсь истиннаго, глубокаго чувства съ риторикой — невольною данью, которую знаменитый писатель заплатилъ своему вѣку — и составляетъ настоящій характеръ Ювеналовой сатиры.

Во всякомъ случаѣ, она не выдерживаетъ строгой эстетической критики. Но это нисколько не мѣшаетъ намъ глубоко чтить Ювенала, какъ писателя, который, въ эпоху полнаго нравственнаго паденія цѣлой, когда-то великой націи, умѣлъ сохранить въ душѣ чувство чести и правды, и заклеилъ въ своихъ сатирахъ вѣчнымъ позоромъ Домиціана и его вѣкъ. X

Домиціанъ, повидимому, очень заботился о своей репутаціи въ потомствѣ. Онъ строго запрещалъ писать о своихъ казняхъ въ официальной газетѣ, которая издавалась въ Римѣ, со времени Юлія Цезаря, и расходилась во множествѣ экземпляровъ по римскимъ провинціямъ. Онъ выгонялъ философовъ изъ Рима, жестоко преслѣдовалъ всякое свободное слово, и могъ надѣяться, что только голоса льстецовъ дойдутъ о немъ до потомства.

Надежды Домиціана, благодаря въ особенности Ювеналу, не сбылись. Уже много вѣковъ прошло со времени царствованія этого цезаря, а нѣтъ мѣста въ цѣломъ образовацномъ мірѣ, гдѣ бы имя его до сихъ поръ не возбуждало отвращенія и ужаса.

Никто, конечно, не думалъ въ Римѣ, что, чрезъ много вѣковъ, имя Домиціана вызоветъ слова негодованія и презрѣнія и въ этой таинственной, загадочной землѣ Сарматовъ, Скиѳовъ, Гипербореевъ и Гишпофаговъ, и что сочувственно будутъ внимать этому неподкупному голосу исторіи поздніе ихъ потомки. Никто не думалъ тогда, что они сольются въ одинъ могущественный народъ, но не мате—

риальная сила, которая не спасла Римъ отъ позорнаго паденія, а нравственный ростъ ихъ и способность совершенствоваться въ пониманіи высокихъ цѣлей жизни послужатъ для мыслящихъ людей вѣрнымъ ручательствомъ въ томъ, что этому народу предстоитъ прекрасная, великая будущность.

ЛЕКЦІЯ II.

Въ числѣ немногихъ любезныхъ намъ именъ, мелькающихъ свѣтлыми точками въ мрачное время, называемое Домиціановымъ вѣкомъ, ярко блеститъ имя Ювенала. Онъ не поэтъ, онъ даже рѣдко является писателемъ—художникомъ, но не имѣя высокихъ качествъ геніальнаго автора, тѣмъ не менѣе занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ во всемирной литературѣ. Вѣковая слава его основана на томъ, что потомство никогда не забываетъ честныхъ голосовъ, особенно, если они раздавались въ эпохи деспотизма и нравственнаго застоя.

Не одни поэты и писатели-художники занимаютъ почетное мѣсто въ литературѣ. Кромѣ идеаловъ, въ ея область входятъ и другіе элементы, и принадлежатъ ей законно и неотъемлемо. На литературѣ лежитъ обязанность служенія не только чистому искусству, но и общественнымъ интересамъ (что, впрочемъ, не исключаетъ художественности), и въ этой сферѣ на первомъ планѣ является сатира. Она можетъ имѣть огромное нравственное значеніе въ особенности тамъ, гдѣ народъ еще не успѣлъ или, вслѣдствіе историческихъ условій, не могъ развить и обнаружить свои внутреннія силы, тамъ, гдѣ эти силы еще дремлютъ.

Я разумѣю, конечно, не ту мелкую, самолюбивую сатиру, въ которой какой-нибудь моралистъ подозрительнаго свойства рисуется передъ публикой и заботится только о томъ, чтобы рельефнѣе выставить на показъ свою собственную, не рѣдко ничтожную и, во всякомъ случаѣ, нисколько не интересную личность; я разумѣю здоровую и сильную сатиру, къ которой мы, Русскіе, скажу это къ

нашей чести, постоянно выказывали и выказываемъ едва ли не больше сочувствія, чѣмъ всѣ другіе народы Европы. Да, мы любимъ сатиру! Почти всѣ наши лучшіе и замѣчательные писатели были по временамъ сатириками. Даже въ до-петровскій періодъ литературы, лишь только русскій писатель сбрасывалъ съ себя оковы схоластики и условной морали, и обращался къ народу съ живымъ словомъ, оно тотчасъ превращалось въ благородное обличеніе и въ мѣткую сатиру. Мы имѣемъ полное право примѣнить къ себѣ слова Квинтиліана: *satira tota nostra est* *), и въ этомъ наша сила, наша великая нравственная сила! Она движетъ юное общество впередъ, уничтожаетъ въ немъ возможность самодовольнаго примиренія со всею обстановкой еще не установившейся гражданственности, примиренія, которое необходимо ведетъ къ застою.

Для того чтобы на пути умственнаго и нравственнаго развитія сдѣлать шагъ впередъ, необходимо уяснить себѣ несостоятельность пройденныхъ шаговъ. Это собственно дѣло науки, уясняющей намъ наши взгляды на окружающій міръ, расширяющей нашъ умственный кругозоръ. Но въ этихъ высшихъ своихъ сферахъ наука доступна не многимъ, а для массы, по крайней мѣрѣ у насъ, науку до нѣкоторой степени замѣняетъ сатира. И горе народу, у котораго нѣтъ сатиры, который, особенно въ пору своей гражданской незрѣлости, успокоивается на китайской мысли, что онъ дошелъ до полнаго совершенства!

Въ эпоху Ювенала, когда «порокъ достигъ крайняго предѣла и остановился, потому что дальше идти было ему нельзя», сатира, разумѣется, не могла оказать того вліянія, какое она имѣетъ у народа, подобнаго нашему, у народа съ великими, но еще не вполне заявившими себя нравственными силами. Римское общество, въ вѣкъ Домиціана, представляло собою разлагавшійся трупъ, который не могло оживить даже такое сильное дидактическое лекарство, какъ Ювеналова сатира.

Замѣчательно, что въ подобныя эпохи паденія мораль сатиры обыкновенно дѣлается беспощадною и предъявляетъ такія требованія, которыя выполнить нѣтъ никакой возможности даже нравственно—

*) То-есть, сатира вся наша.

развитому обществу. Такая мораль обыкновенно превращается въ пышную, пустую и холодную фразу, и конечно не находитъ никакого отголоска въ обществѣ уже потому, что источникъ ея не въ любящемъ сердцѣ гражданина, а въ головѣ ратора. Онъ и не заботится о томъ, чтобы требованія его были выполнены, и такъ же холодно проповѣдуетъ свою мораль, какъ другіе принимаютъ ее. Таковъ, на примѣръ, Персій, таковъ въ особенности Сенека и цѣлый рядъ римскихъ стоиковъ періода имперіи, которые обратились къ обличительной дидактикѣ и съ мнимой высоты своей безжизненной, условной морали требовали отъ человѣка отвлеченнаго совершенства.

И много нужно было имѣть глубокой любви къ добру и правдѣ, чтобы, подобно Ювеналу, хотя порой устоять въ такую эпоху противъ холоднаго риторства!

Не выдерживая строгой эстетической критики, какъ художественныя созданія, сатиры Ювенала, разумѣется, и своею нравственною стороною не вполне удовлетворяютъ современнаго человѣка.

XX Для нашего времени главное значеніе ихъ историческое. Онѣ очень интересны и важны для насъ тѣмъ, что живыми, яркими, хотя и нѣсколько густыми красками рисуютъ почти все стороны римскаго быта въ ту тяжелую эпоху, которой политическій смыслъ такъ проницательно и глубоко-вѣрно разъяснилъ намъ Тацитъ. Эти два писателя служатъ необходимымъ и самымъ лучшимъ дополненіемъ одинъ другаго.

«Все, что дѣлаютъ люди (говоритъ Ювеналь въ I сатирѣ): «ихъ желанія, страхи, гнѣвъ, веселье, радости, суета, все это составить пестрое, смѣшанное содержаніе моей сатиры.» Ювеналь сдержалъ свое слово. Въ его произведеніяхъ проходятъ передъ нами, какою-то нестройною, дикою толпой, все сословія, все класы римскаго общества, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше поражаютъ насъ своею, едва вообразимою, нравственною уродливостію.

Тѣсная рамка лекціи, уваженіе къ моей аудиторіи и другія причины не позволяютъ мнѣ, М. М. Г. Г., остановить ваше вниманіе на всѣхъ подробностяхъ этой мрачной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невыно-

симо грязной картины. Я долженъ ограничиться тѣмъ, что мы видимъ на первомъ ея планѣ—римскимъ правительствомъ и отношеніемъ къ нему народной массы, въ періодъ имперіи.

Я уже опредѣлилъ въ главныхъ чертахъ общій характеръ эпохи Домиціана и личность этого цезаря. Но Ювеналь не позволяетъ намъ такъ скоро разстаться съ своимъ любимцемъ.)

Чтобы дополнить сдѣланный выше очеркъ римскаго правительства въ эпоху Домиціана, я останавлиюсь на IV сатирѣ, гдѣ онъ снова выступаетъ на сцену и, рядомъ съ нимъ, римскій сенатъ. Мы сейчасъ увидимъ, въ какомъ униженномъ положеніи находилась въ это время высшая правительственная коллегія Римскаго государства.

Содержаніе IV сатиры составляетъ рассказъ объ одномъ изъ тѣхъ происшествій,) какія, вѣроятно, не рѣдко случались въ царствованіе Домиціана. *)

Поэтъ начинаетъ свой рассказъ пародією на эпиковъ и, по обычаю ихъ, дѣлаетъ слѣдующее воззваніе къ музамъ: «Начинай, Калліопа! Ты можешь спокойно присѣсть. Нечего выдумывать, дѣло идетъ объ истинномъ происшествіи. Начинайте же вашъ рассказъ, дѣвы Піериды. Пусть мнѣ, о музы, поможетъ хоть то, что я называлъ васъ дѣвами. **)

«Въ то время, продолжаетъ сатирикъ, какъ послѣдній изъ Флавіевъ терзалъ и безъ того полуживой міръ, и Римъ былъ рабомъ *плъшиваго Нерона*», — такъ въ этомъ мѣстѣ Ювеналь называетъ Домиціана, — одинъ бѣдный рыбакъ поймалъ близъ Анконы, въ Адриатическомъ морѣ, огромнаго ромба... Поймалъ и испугался. Испугался онъ не рыбы, а того, что простой, частный человѣкъ не ожи-

*) Въ доказательство, что происшествіе, подобное описанному въ этой сатирѣ, было возможно при Домиціанѣ, Зибольдъ, послѣдній, по времени, издатель Ювенала (Лейпцигъ, 1838), очень удачно приводитъ слѣдующее мѣсто изъ писемъ Плинія (VIII, 14): «Quid tunc disci potuit, cum senatus aut ad otium summum, aut ad summum nefas vocaretur, et modo ludibrio, modo dolori retentus nunquam seria, tristia saepe censeret.»

**) Ювеналь такъ же мало вѣритъ въ свой даръ эпика, какъ и въ дѣвственность музъ. Этотъ дурной комплиментъ музамъ, очевидно, имѣетъ связь съ невысокимъ мнѣніемъ Ювенала о женщинѣ вообще.

данно сдѣлался обладателемъ такого сокровища. И вотъ, бѣднякъ рѣшается принести эту лакомую рыбу въ даръ «первосвященнику—Домиціану». Да и что было дѣлать? Продать ромба? но никто не осмѣлился бы купить его. «Различные сыщики и шпионы, которыми наполненъ былъ даже морской берегъ, тотчасъ бы завели дѣло съ бѣднымъ рыбакомъ. Они не задумались бы объявить, что эта рыба бѣглая, что она откормлена въ садкахъ цезаря, исчезла оттуда и должна возвратиться къ прежнему своему господину. Если вѣрить Пальфурію и Армиллату *), то даже всякая дорогая рыба, гдѣ бы она ни плавала, собственность цезаревой казны.»

Домиціанъ жилъ въ это время, по обыкновенію, въ своей альбанской виллѣ. Туда отправляется рыбакъ, и наконецъ его допускаютъ къ цезарю. «Прими, говоритъ ему вѣрноподанный, эту драгоценность, которая слишкомъ огромна для кухни частнаго человѣка. Пусть этотъ день будетъ объявленъ праздникомъ. Приготовь, о цезарь, свой желудокъ для принятія этой пищи и отвѣдай ромба. Ясно, что сама судьба сохранила его для твоихъ дней. Да, эта рыба сама хотѣла того, чтобъ ее поймали.»

Домиціанъ выслушалъ эту рѣчь благосклонно. «Нѣтъ той лести, прибавляетъ поэтъ, которой бы не повѣрилъ человѣкъ, когда власть его признана и объявлена равною божеской власти.»

Дѣло, однако, этимъ не кончилось. Возникъ вопросъ: что дѣлать съ ромбомъ? кромѣ того, для такой огромной рыбы нельзя было отыскать достаточно-большаго блюда. И вотъ, Домиціанъ посылаетъ въ Римъ гонцовъ звать сенаторовъ, для совѣщанія объ этомъ важномъ государственномъ вопросѣ.

Въ Римѣ все пришло въ смятеніе. Лица сенаторовъ, и безъ того блѣдныя, еще болѣе поблѣднѣли.

Затѣмъ слѣдуетъ у Ювенала очень любопытная характеристика римскихъ вельможъ. Онъ называетъ ихъ по именамъ, и все это имена, большею частію опозоренныя въ исторіи.

*) Пальфурій Сура и Армиллатъ извѣстные донощики при Домиціанѣ. Первый изъ нихъ былъ стоикъ. Оба они, говоритъ Гейнрихъ, вѣроятно принадлежали къ законовѣдамъ и старались поддержать самодержавіе цезарей теоріею распространенія такъ-называвшихся *juga fisci*.

«Первый, на крикъ гонца: *currere, jam sedit!* (бѣгите, онъ уже сѣлъ) схватилъ свою аболлу (плащъ), и спѣшитъ Пегасъ 1). Онъ только что былъ назначенъ управителемъ (*villicus*) перепуганной столицы. Что же другое, какъ не прикащики, были въ это время префекты (губернаторы)? Это былъ (по природѣ своей) честный человѣкъ, строгій блюститель закона, хотя и убѣжденный въ томъ, что въ его ужасный вѣкъ справедливость была оружіемъ очень ненадежнымъ. За нимъ является пріятный, добродушный и краснорѣчивый старичокъ Криспъ 2). И кто могъ быть полезнѣе Криспа для человѣка, подъ властію котораго находились и моря, и земли, и народы, еслибы при Домиціанѣ, этой язвѣ и гибели человѣческаго рода, можно было открыто порицать жестокость и подавать честный совѣтъ? Но что могло быть свирѣпѣе слуха этого тирана? Участь самыхъ близкихъ къ нему людей была сомнительна даже тогда, когда они разговаривали съ нимъ о погодѣ. Вотъ почему Криспъ никогда не старался плыть противъ теченія, и не былъ онъ человѣкъ съ свободною, задушевною рѣчью, — гражданинъ, готовый заплатить жизнью за правду. Такъ прожилъ онъ много лѣтъ и увидѣлъ восьмидесятую весну, обезопасивъ себя этимъ оружіемъ даже при дворѣ Домиціана.»

Вслѣдъ за Криспомъ, поспѣшно прибылъ въ виллу Домиціана Ацилій съ своимъ сыномъ 3), а за ними — Рубрій 4). Наконецъ, «является и чрево Монтана» 5), Монтанъ, весь обратившійся въ

1) Пегасъ — знаменитый римскій юристъ.

2) Вибіи Криспъ оставилъ по себѣ дурную память. При Неронѣ онъ былъ донощикомъ. (*Tacit. Hist. II, 10; IV, 41*). Ювеналь изображаетъ здѣсь Криспа такимъ, какимъ зналъ его при Домиціанѣ. Отзывъ сатирика совершенно согласенъ съ словами Квинтиліана (*V, 13, 48*), который называетъ Криспа «*vir jucundi et elegantis ingenii*».

3) Ациліи, отецъ и сынъ, оба были сенаторы. Последній былъ казненъ Домиціаномъ за годъ до его собственной смерти.

4) Рубрій Галлъ, вѣроятно, тотъ самый, о которомъ упоминаетъ Тацитъ *Hist. II, 51 и 99*. Ювеналь прибавляетъ, что на немъ тяготѣло какое-то «давнишнее и тайное преступленіе (*offensae veteris reus atque tacendae*)». Древній схоластъ, при объясненіи этого мѣста, говоритъ, что Рубрій когда-то находился въ связи съ племянницею Домиціана, Юліей, дочерью Тита, которая потомъ сдѣлалась любовницею самого цезаря.

5) Монтанъ, какъ видно изъ 136 стиха этой сатиры, уже при Неронѣ былъ знаменитъ своимъ аппетитомъ и гастрономическими наклонностями. Его не должно смѣ-

«медленно двигающееся, отъ тучности, чрево», и раздушенный Криспинъ ¹⁾, «отъ котораго несло разными ароматами сильнѣе, чѣмъ отъ двухъ похоронъ» (то-есть набальзамированныхъ покойниковъ).

«Является и Помпей ²⁾, который еще свирѣпѣе, чѣмъ Криспинъ, губить людей и доводитъ ихъ до казни своими доносами. Являются и Фускъ ³⁾, что берегъ свое тѣло для коршуновъ Дакии, и хитрый Вейентонъ съ смертоноснымъ Катулломъ ⁴⁾. «Этотъ Катулль, прибавляетъ Ювеналь, ужасное чудовище, замѣчательное даже въ нашъ вѣкъ. Онъ былъ слѣпъ, льстецъ и страшный клеветъ Домиціана, — человекъ прямо съ моста, человекъ, которому бы просить милостыню гдѣ-нибудь на большой дорогѣ, при повозкахъ, ѣдущихъ въ Арицію, и посылать имъ вслѣдъ воздушные поцѣлуи ⁵⁾. Никто больше слѣпаго Катулла не восторгался рыбой. Онъ много наговорилъ, обратясь въ лѣвую сторону, а ромбъ лежалъ отъ него направо. Точно такъ онъ (въ угоду Домиціану) восхищался и битвами гладиаторовъ, и театральными машинами, уносившими отроковъ до самаго навѣса ⁶⁾.»

«Не уступаетъ Катуллу и Вейентонъ, и какъ бы пораженный

шивать съ благороднымъ Курціемъ Монтаномъ, о которомъ упоминаетъ Тацитъ *Ann.* XVI, 28; у Ювенала, по мнѣнію Вебера, рѣчь объ отцѣ этого Монтана.

1) Тотъ самый, о которомъ упомянуто въ I сатирѣ ст. 27.

2) Онъ извѣстенъ только изъ этого мѣста, какъ одинъ изъ страшныхъ донощиковъ при Домиціанѣ.

3) Корнелій Фускъ былъ, при Домиціанѣ, начальникомъ (префектомъ) преторіанцевъ. Онъ погибъ въ походѣ противъ Даковъ.

4) Фабрицій Вейентонъ и Катулль Мессалинъ упоминаются и другими писателями, какъ страшные изверги. О нихъ говоритъ, между прочимъ, Плиній *Ерр.* IV, 22. Здѣсь особенно хороша характеристика слѣпаго Катулла, который «ничего не боялся, никогда не краснѣлъ и ни разу не испыталъ чувства жалости».

5) Римскіе нищіе обыкновенно промышляли на мостахъ и на большихъ дорогахъ. Ариція лежала на Анніевой дорогѣ, при *clivus Agrippinus*, гдѣ экипажи, по необходимости, замедляли свой ходъ. Вотъ почему это мѣсто привлекало множество нищихъ, которые привѣтствовали проѣзжихъ воздушными поцѣлуями. Это былъ обыкновенный жестъ, употреблявшійся для выраженія благоговѣнія къ богамъ и къ знатымъ лицамъ. Оттуда глаголъ *adorare*, то-есть *manum oği admoveere*.

6) Римскіе театры строились безъ крышъ. Ихъ замѣнялъ навѣсъ, который охранялъ зрителей отъ солнечныхъ лучей и отъ дождя. Въ этомъ мѣстѣ рѣчь, вѣроятно, идетъ о піесахъ, въ которыхъ представлялось похищеніе Ганимеда или полетъ Икара, и т. п. Вотъ, безъ сомнѣнія, отроки, о которыхъ здѣсь говорится.

священнымъ трепетомъ, вдохновленный самою Беллоною, онъ (изъ лести и со страха) начинаетъ даже предсказывать. Эта рыба, говоритъ онъ, пророчитъ тебѣ, Домиціанъ, великій и славный триумфъ! Ты захватишь въ плѣнъ какого-нибудь царя, или британскій вождь Арвирагъ *), пораженный, упадетъ съ своей боевой колесницы. Эта рыба — звѣрь чужеземный. Развѣ ты не видишь, какъ его боковыя перья вытянулись къ спинѣ? Недоставало только Вейентону упомянуть о родинѣ ромба и о томъ, сколько ему лѣтъ.»

«— Какое же твое мнѣніе?» спрашиваетъ Домиціанъ. — «Разрѣзать ромба что ли? «Да будетъ отъ него далека такой позоръ, отвѣчаетъ Монтанъ. — Нужно приготовить глубокое блюдо съ тонкою стѣнкою и обширнымъ круглымъ дномъ. Для такого блюда необходимо найти немедленно опытнаго художника, какого-нибудь новаго Прометея.»

«Мнѣніе Монтана», продолжаетъ поэтъ, «одержало верхъ, и оно было вполне достойно этого человѣка. Онъ помнилъ еще роскошь прежняго двора, помнилъ полунощныя пиры Нерона, когда гости его, разгоряченные фалерномъ, чувствовали все новый и новый позывъ къ наслажденіямъ. Ни у кого въ мое время не было такой опытности во всемъ, что относилось къ съѣстному. Монтану стоило только отвѣдать, чтобы тотчасъ угадать, были ли устрицы съ Цирцейскаго мыса, или изъ Лукринскаго озера, или съ британскаго берега, и взглянувъ на черепаху, онъ тотчасъ же могъ назвать ея родной берегъ.»

«Наконецъ, всѣ встаютъ, совѣщаніе закрыто, и сенаторы получаютъ приказаніе удалиться. *Великій вождь* собралъ ихъ въ свой альбанскій дворецъ. Испуганные, они поспѣшили туда, какъ будто цезарь хотѣлъ сообщить имъ что-нибудь о Каттахъ и дикихъ Сикамбрахъ **); какъ будто, съ разныхъ концовъ міра, привезены были быстрыми гонцами страшныя вѣсти.»

*) Римлянъ очень занимали въ это время войны ихъ съ Британцами. Лстивое предсказаніе Вейентона о триумфѣ надъ ними Домиціана, безъ сомнѣнія, сбылось бы, еслибъ онъ не вызвалъ изъ Британіи Агриколу. (Tacit. Agric. c. 13—40). Объ Арвирагѣ не упоминаетъ ни одинъ изъ древнихъ историковъ. Вѣроятно, онъ сдѣлался британскимъ вождемъ уже послѣ удаленія Агриколы.

***) И тѣ, и другіе принадлежали къ самымъ воинственнымъ племенамъ древней Германіи.

«О, къ чему, мрачно заключаетъ Ювеналь свою сатиру, къ чему Домиціанъ не посвятилъ такимъ ничтожнымъ дѣламъ всѣхъ дней своего свирѣпаго царствованія, въ которое онъ безнаказанно, и не вызвавъ мести, отнялъ у Рима столько доблестныхъ и знаменитыхъ людей! Но онъ и самъ палъ, послѣ того какъ сдѣлался страшенъ для черни. Вотъ что сгубило Домиціана, обагренаго кровью своихъ вельможъ *)!»

Домиціана

Такое правительство, разумѣется, необходимо должно было возбудить негодованіе въ душѣ каждого благороднаго человѣка, и намъ вполне понятны слова Ювенала, что въ его время «трудно было не писать сатиры».

Обращаясь затѣмъ къ римскому народу, какимъ онъ является намъ въ сатирахъ Ювенала, мы прежде всего должны замѣтить, что этотъ народъ уже задолго до политической реформы Августа утратилъ свою національность, а вмѣстѣ съ нею, и первобытную чистоту нравовъ, придавшую такой блескъ начальнымъ періодамъ римской республики.

Коренные Римляне, вмѣстѣ съ своимъ потомствомъ, мало по малу исчезли или затерялись въ огромной массѣ жителей всемірной столицы, и были вытѣснены выходцами со всего свѣта, пригнанными въ Италію военноплѣнными и рабами. Эти послѣдніе, а еще чаще ихъ дѣти и внуки, пріобрѣтали права римскаго гражданина, но труднѣе было для нихъ добыть себѣ старинную римскую доблесть и просвѣщенную любовь къ родинѣ.

Римскій народъ, — этотъ «звѣрь многоголовый», по выраженію Горация, сдѣлался, наконецъ, какою-то чудовищною амальгамою изъ всѣхъ возможныхъ націй. Для этой пестрой, сбродной толпы не существовало преданій старины.

Одной этой причины достаточно было для того, чтобы повести за собою быстрое и глубокое правственное паденіе римскаго народа.

*) О смерти Домиціана мы уже сказали выше.

Оно, повторимъ еще разъ, началось задолго до Ювенала и необходимо должно было вызвать реформу Августа.

Многіе воображаютъ до сихъ поръ еще, что римская имперія—катастрофа. Но что же это за катастрофа, которая продолжается цѣлыя столѣтія, не вызывая реакціи? Имперія возникла и необходимо должна была возникнуть въ Римѣ потому, что идея самоуправленія потеряла, наконецъ, свой смыслъ для массы народа. Возвратъ къ отжившимъ свой вѣкъ политическимъ формамъ былъ, повидимому, возможенъ и очень легокъ. Римская монархія не была наследственной. Вслѣдъ за смертію каждаго изъ своихъ цезарей, Римляне имѣли законное право и полную возможность возстановить республику. Отчего же этого не случалось? Отчего въ самыя мрачныя эпохи цезарскаго деспотизма почти никто изъ нихъ не думалъ объ этомъ, за исключеніемъ двухъ—трехъ благородныхъ мечтателей? Оттого, что, для выхода изъ этого положенія, кромѣ политической возможности, необходима была возможность нравственная, а ея-то и не доставало Римлянамъ. Они напоминаютъ намъ собою безпутнаго, когда-то богатаго, но промотавшагося барина, который самъ проситъ и требуетъ, чтобы надъ нимъ учредили опеку. Но, въ Римѣ, въ эту пору уже трудно было найти хорошихъ и добросовѣстныхъ опекуновъ.

Среди такого падшаго общества легко и даже необходимо должны были явиться Тиберіи, Нероны и Домиціаны. Передовые люди древняго Рима, и въ числѣ ихъ Ювеналь и Тацитъ, хорошо понимали, что не эти цезари были главными виновниками того ужаснаго положенія, въ которомъ находилась ихъ родина. Если бы въ римскомъ народѣ сохранились какіе-нибудь слѣды нравственнаго чувства, то, разумѣется, такіе правители были бы невозможны. Во всякомъ случаѣ, беспощадный судъ потомства, карающій этихъ недостойныхъ правителей, долженъ быть не менѣе строгъ и въ отношеніи къ ихъ подданнымъ.

Печальную, горькую думу возбуждаютъ въ душѣ историка не только Домиціаны, но и такіе цезари, какъ Траянъ и Маркъ—Аврелій. Несмотря на все свое доброе желаніе, несмотря на свою желѣзную волю, они не могли остановить Римъ на краю той бездны, къ которой онъ уже давно стремился, и гдѣ суждено было ему погибнуть.

Ювеналь, вмѣстѣ съ другими благородными людьми своей эпохи, глубоко презиралъ современный ему римскій народъ. Поэтъ особенно сильно выразилъ это чувство въ томъ превосходномъ мѣстѣ десятой сатиры, гдѣ рѣчь идетъ о казни Сеяна.

Это событіе, какъ извѣстно, относится къ царствованію Тиберія. Сеянъ былъ въ это время начальникомъ преторіанской гвардіи и пользовался безграничнымъ довѣріемъ своего монарха. Этотъ подозрительный, хитрый, суевѣрный и развратный старикъ, по совѣту временщика, оставилъ даже Римъ и дѣла, и послѣдніе годы своей жизни провелъ на островѣ Капри, окруженный халдеями, гадалками и женщинами.

Десятилѣтнее пребываніе Тиберія на островѣ Капри представляетъ одну изъ самыхъ скандальныхъ страницъ въ исторіи римской имперіи. Этимъ временемъ рѣшился воспользоваться Сеянъ и провозгласить себя императоромъ: въ томъ, по крайней мѣрѣ, обвиняли его. Сеянъ, говорятъ, очень рассчитывалъ на народъ, который его любилъ и, разумѣется, былъ не прочь освободиться отъ Тиберія. Но Тиберій перехитрилъ Сеяна, и вмѣстѣ съ нимъ погибло множество его приверженцевъ.

Ювеналь не былъ очевидцемъ этой катастрофы, но зналъ о ней по свѣжему еще преданію. Онъ чрезвычайно живо и вѣрно описываетъ рабское чувство, обнаруженное при этомъ Римлянами, ихъ непостоянство и вѣроломство, и это внезапное превращеніе любви въ ненависть къ Сеяну, въ ненависть, источникомъ которой былъ страхъ Тиберія.

«Могущество, говоритъ поэтъ, возбуждаетъ много зависти и нерѣдко губить человѣка; топить (*mergit*) его длинный перечень почетныхъ титуловъ. Нерѣдко статуи сходятъ съ высокихъ своихъ подножій, и неистово влечетъ ихъ толпа. Тогда топоръ рубитъ самыя колеса триумфальныхъ колесницъ, рубитъ и ломаетъ голени мѣдныхъ коней. Чѣмъ же они—то, бѣдные, виноваты?»

«Вотъ трещитъ огонь, и въ пламени голова, которую такъ боготворилъ народъ, и съ шумомъ плавится колоссальная статуя Сеяна, а потомъ изъ этой статуи, изъ этого изображенія человѣка, быв-

шаго, послѣ Тиберія, первымъ человѣкомъ въ цѣломъ мірѣ, сдѣлають горшки, тазы и сковороды.»

«Укрась твой домъ лавромъ, веди въ Капитолій большаго бѣлаго быка ¹⁾: по римскимъ улицамъ влекутъ крючьями Сеяна на всенародное позорище. Всѣ въ восторгѣ!»

«Какія были у него истерзанныя губы, какое страшное лицо! Повѣрь мнѣ, я никогда не любилъ этого человѣка; но что же, однако, за преступленіе, отъ котораго онъ погибъ? гдѣ донощикъ на Сеяна, гдѣ доказательства, гдѣ свидѣтели его вины? Ничего этого не было. Съ острова Капри привезено въ сенатъ многорѣчивое, длинное посланіе Тиберія ²⁾. Прекрасно! послѣ этого нечего спрашивать о преступленіи Сеяна; но что же дѣлаетъ эта толпа, что дѣлають эти потомки великаго Рема? Толпа, какъ всегда, слѣдуетъ за удачей и ненавидитъ осужденныхъ. Еслибы счастье улынулось Этруску ³⁾, если бы ему удалось погубить стараго Тиберія въ безопасномъ его убѣжищѣ, то немедленно тотъ же самый народъ провозгласилъ бы Сеяна цезаремъ. Этотъ народъ уже давно сложилъ съ себя государственное бремя, съ тѣхъ поръ, какъ мы, на выборахъ, никому больше не продаемъ нашихъ голосовъ. Онъ, который когда-то раздавалъ власть, консульскіе пуки и легіоны, теперь онъ живетъ тихо и только озабоченно жаждетъ даровой раздачи хлѣба да зрѣлищъ въ циркѣ.»

«Слышно, что еще многимъ придется погибнуть. Мнѣ повстрѣчался у жертвенника Марса (на Марсовомъ полѣ) пріятель мой Брутидій ⁴⁾. Онъ былъ очень блѣденъ. Боюсь я, сказалъ онъ, чтобы Тиберію, какъ побѣжденному Аяксу, не показалось, что народъ не сильно за него вступился, чтобы Тиберій не вздумалъ за это мстить.»

1) Это были обыкновенные знаки, которыми выражалось сочувствіе къ какому-нибудь событію и вообще радость.

2) Все это исторически вѣрно. Рескриптъ Тиберія сенату дѣйствительно былъ очень длиненъ. Діонъ Кассій, который подробно описываетъ исторію казни Сеяна (LVIII, 2 и слѣд.), говоритъ то же самое и, кромѣ того, обозначаетъ самое содержаніе этого письма.

3) Въ подлинникѣ сказано: «если бы Нурція поблагопріятствовала Этруску», т.—е. Сеяну, который родомъ былъ изъ Вольсиній въ Этруріи. Нурція—этрусское имя Фортуны.

4) Брутидій Нигеръ былъ эдиломъ въ 22 г. и старался открыть себѣ дорогу къ почестямъ доносами. (Tacit. Ann. III, 66). Выраженіе Ювенала «Brutidius mes», очевидно, заключаетъ въ себѣ оттѣнокъ презрѣнія къ этому человѣку.

Поспѣшимъ же на берегъ Ти́бра и станемъ топтать ногами трупъ цезарева врага, пока онъ тамъ лежитъ *). Но пусть это видятъ наши рабы, а не то кто-нибудь изъ нихъ напугаетъ своего барина и, накинувъ веревку, потащитъ его, за шею, на расправу.»

Говоря о римскомъ народѣ, я имѣлъ до сихъ поръ преимущественно въ виду низшіе его слои; но для того, чтобы вѣрно судить о нравственномъ состояніи общества въ вѣкъ Ювенала, необходимо обратить вниманіе на высшіе, на такъ-называемые образованные классы этого народа, которые были исключительными представителями древней цивилизаціи.

Главная ихъ типическая черта — это кліентство или, вѣрнѣе, огромные размѣры, какіе оно приняло въ разсматриваемое время.

Кліентство является въ Римѣ при самомъ его началѣ. Это учрежденіе имѣло тамъ большое значеніе во все то время, когда только одна часть римскаго народа пользовалась политическими правами, а другая была еще лишена этихъ правъ. Кліентство считалось въ эту пору выше даже родственныхъ связей, и, возникнувъ изъ убѣжденія въ томъ, что сильный долженъ защищать и охранять слабого, имѣло какъ бы религіозную основу.

Но уже задолго до Ювенала, еще въ періодъ республики, оно утратило свой первоначальный характеръ, и подъ словомъ *кліентъ* начали понимать всякаго бѣднаго и незначительнаго человѣка. Въ Римѣ, каждый изъ такихъ людей непременно имѣлъ своего покровителя, или патрона.

Кліентъ непременно каждый день являлся къ своему милостивцу съ утреннимъ поздравленіемъ, проводилъ нѣсколько часовъ въ его прихожей, а потомъ обыкновенно сопровождалъ своего патрона на форумъ и всюду, куда ему вздумалось бы отправиться. Римскіе богачи имѣли множество такихъ кліентовъ, и потому обыкновенно являлись на улицѣ съ огромною свитой.

*) Трупъ Сеяна цѣлые три дня валялся на набережной Ти́бра и во все это время подвергался поруганію черни.

Сначала кліенты обѣдали за столомъ своихъ патроновъ, но потомъ, съ увеличеніемъ числа кліентовъ, это оказалось неудобнымъ, и, вмѣсто обѣда, имъ начали ежедневно выдавать такъ-называвшуюся *спортулу*. Это, какъ показываетъ самое слово, была небольшая корзинка съ съѣстными припасами, а иногда, вмѣсто нихъ, кліентъ получалъ незначительную сумму денегъ.

Чѣмъ ниже падали въ Римѣ нравы, тѣмъ больше развивалось тамъ кліентство и наконецъ охватило собою все классы римскаго общества. Римскіе кліенты, въ вѣкъ Ювенала, имѣли уже не по одному патрону, какъ прежде, а множество патроновъ, и цѣлое утро переходили изъ дома въ домъ, собирая тамъ, не безъ шума и брани, свои обычныя *спортулы*.

Въ одной изъ своихъ сатиръ *), Ювеналь живо описываетъ сцену раздачи *спортулъ*: «Вотъ, говоритъ онъ, на самомъ порогѣ выставлены *спортулы* на расхищеніе толпѣ людей, одѣтыхъ въ тогу. Патронъ, однако, сначала смотритъ тебѣ въ лицо, и дрожитъ, чтобы ты не явился подставнымъ кліентомъ и не потребовалъ себѣ *спортулы* подъ чужимъ именемъ. Когда тебя признаютъ, ты ее получишь. При этомъ патронъ приказываетъ своему глашатаю вызывать поименно даже нашихъ аристократовъ, этихъ потомковъ баснословныхъ Троянцевъ, потому что и они, вмѣстѣ съ нами, бѣдными кліентами, трутъ пороги богачей. Дай, говоритъ патронъ своему слугѣ, дай сначала претору, а потомъ трибуну.»

«Когда въ концѣ года», продолжаетъ поэтъ **), «даже знатные люди сводятъ счеты, сколько барыша принесла имъ *спортула*, на сколько увеличила ихъ доходы, то что же остается дѣлать бѣднымъ кліентамъ, у которыхъ отсюда и тога, и обувь, и хлѣбъ, и дрова.»

«Вотъ тянется густой рядъ носилокъ, и самъ мужъ обводитъ по всемъ патронамъ свою усталую или беременную жену. Иной требуетъ *спортулу* для жены, которой тутъ нѣтъ, и хитритъ уже всемъ извѣстною продѣлкой, указывая, вмѣсто нея, на закрытую и пустую лектику. «Здѣсь моя Галла», говоритъ онъ раздавателю *спортулъ*.

*) Въ первой сат. ст. 95 и слѣд.

**) Ibid., ст. 117.

«Отпусти поскорѣе. Къ чему же ты медлишь?» — Галла, высунь голову. «Не безпокой ея, она спитъ.»

Иногда, впрочемъ, патроны приглашали своихъ кліентовъ къ обѣду, но дѣлали это не изъ участія къ нимъ, а больше для потѣхи. Ювеналь, въ своей пятой сатирѣ, превосходно описалъ одинъ изъ такихъ обѣдовъ. Поэтъ съ большимъ негодованіемъ говоритъ здѣсь о тѣхъ униженіяхъ и обидахъ, которыя кліенты терпѣли отъ своихъ патроновъ для того, чтобы поѣсть на чужой счетъ.

«Если патрону, пишетъ Ювеналь *), вздумается пригласить къ себѣ на обѣдъ, въ два мѣсяца разъ, своего забытаго кліента, чтобы за столомъ не оставалось пустаго мѣста, то говоритъ ему: приходи ко мнѣ. И это верхъ желаній для кліента! Для какого-нибудь Требія это достаточный поводъ отправиться къ своему патрону съ ранняго утра. И что же это за обѣдъ? Вино такое, въ какомъ не моють даже шерсти. И отъ такого вина ты изъ порядочнаго, приличнаго гостя превращаешься въ пьянаго жреца. Дѣло начинается бранью, а затѣмъ, для потѣхи патрона, между кліентами и ватагой его отпущениковъ нерѣдко загорается битва на бутылкахъ. И вотъ, ты уже бросаешь стаканами въ своихъ враговъ и, раненый, отираешь скатертью кровь съ своего лица.»

«Самъ патронъ пьетъ старое вино, стаканъ, который у него въ рукахъ, изъ янтаря и украшенъ бериллами, а тебѣ не довѣряютъ золотого бокала, или если и довѣрятъ, то тутъ же приставятъ къ тебѣ слугу. Онъ сначала сосчитаетъ драгоценные камни, которые вдѣланы въ этотъ бокалъ, а потомъ все время будетъ наблюдать за твоими острыми ногтями.»

«И не только вино, даже воду вы пьете за такимъ обѣдомъ не ту, какую патронъ. Притомъ, подаетъ тебѣ ее какой-нибудь скороходъ изъ Гетуліи или костлявая рука чернаго Мавра, съ которымъ бы тебѣ не захотѣлось встрѣтиться въ полночь, когда ты ѣдешь по

*) Ст. 15 и слѣд. Здѣсь мы опять должны повторить, что, представляя выдержки изъ пятой сатиры Ювенала, мы не имѣли въ виду дословной передачи ея на русскій языкъ, такъ какъ это не согласно съ условіями публичной лекціи. Впрочемъ, мы старались какъ можно точнѣе передать не только мысль поэта, но и способъ его выражаться.

Латинской дорогѣ, обставленной надгробными памятниками. Въ то же время патрону прислуживаетъ цвѣтъ Азіи, рабъ, купленный за огромную цѣну. Она больше, чѣмъ сколько стоило все имущество Сервія Туллія и воинственнаго Анка Марція, словомъ, больше, чѣмъ весь скарбъ древнихъ римскихъ царей. Если тебѣ захочется пить, то ты обратись къ своему африканскому Ганимеду, а дорогой рабъ не захочетъ, да и не умѣетъ прислуживать бѣднякамъ.»

«Смотри, съ какимъ ворчаньемъ слуга положилъ передъ тобой хлѣбъ. Его едва можно надломить: это какіе-то заплесневѣлые куски затвердѣвшей муки, отъ которыхъ раскочаются какіе угодно зубы. Раскусить такой хлѣбъ нѣтъ никакой возможности. И тутъ же поставятъ пшеничный хлѣбъ, бѣлый, мягкій,—это для патрона. Смотри, не забудь попридержать свою руку и оказывай должное уваженіе къ этому произведенію пекарнаго искусства. Вообрази, однако, что у тебя достанетъ смѣлости для того, чтобы протянуть руку къ этому лакомству: тотчасъ же явится слуга, который заставитъ тебя положить его назадъ. Не угодно ли тебѣ, дерзкій кліентъ, скажетъ онъ, набивать свой желудокъ вотъ изъ этой корзины? Развѣ ты не знаешь, какого цвѣта твой хлѣбъ?»

«Посмотри, какъ широко растянулся на блюдѣ великолѣпный омаръ, обложенный со всѣхъ сторонъ спаржей, какъ онъ гордо смотритъ оттуда своимъ хвостомъ на кліентовъ, когда величественно приближается къ столу, несомый на поднятыхъ рукахъ огромнаго слуги. Это для патрона. А тебѣ въ то же время подають на блюдечкѣ меньшаго рака и поль-яйца — кушанье, въ родѣ того, какое ставятъ на могилахъ для покойниковъ.»

«Патронъ поливаетъ свою рыбу венафрскимъ масломъ *), а тощій кочанъ капусты, который подають тебѣ, сильно отзывается ночникомъ. Да, въ соусники кліентовъ наливается то самое масло, изъ-за котораго никто не хочетъ мыться въ банѣ съ Нумидійцемъ Бокхаромъ, и которое даже, какъ увѣряють, дѣлаетъ тѣло человѣка безопаснымъ отъ укушенія змѣй.»

Затѣмъ Ювеналь перечисляетъ много и другихъ контрастовъ въ

*) Венафръ — городъ Кампаніи.

кушаньяхъ, подаваемыхъ за столомъ патрону и его кліентамъ, и заключаетъ свою сатиру слѣдующими благородными словами (ст. 156):

«Можетъ-быть, ты думаешь, что патронъ жалѣетъ денегъ на твое угощеніе. Нѣтъ, это онъ дѣлаетъ, чтобъ опечалить тебя. Какой же фарсъ, какой комедіантъ забавнѣе обжоры-парасита, когда онъ плачетъ о томъ, что его не накормили? Все это дѣлается для того, чтобы ты излилъ свою желчь въ слезахъ и наконецъ заскрежеталъ долго стиснутыми зубами. Тебѣ кажется, что ты человѣкъ свободный и гость твоего патрона, а онъ думаетъ, и совершенно справедливо, что ты весь находишься подъ обаяніемъ ароматовъ его кухни...»

«Человѣкъ, который съ тобой такъ обращается, поступаетъ умно. Если ты можешь, то и долженъ все выносить. Современемъ ты самъ станешь подставлять свое лицо для побоевъ, попривыкнешь къ нещаднымъ ударамъ и сдѣлаешься вполне достойнымъ и такого обѣда, и такого патрона.»

Приведенныя подробности изъ римскаго быта невольно поражаютъ насъ своимъ оскорбительнымъ характеромъ. Мы видимъ, что въ Римѣ, въ эпоху Ювенала, не было и тѣни того, даже внѣшняго, наружнаго благородства, которое составляетъ первый признакъ и необходимое условіе европейскаго общества. Тѣмъ безуспѣшнѣе мы будемъ искать въ современникахъ Ювенала, разумѣется, въ массѣ, а не въ отдѣльныхъ, исключительныхъ личностяхъ, чувства чести и человѣческаго достоинства.

Услужливость римскаго кліента—а кліентами были чуть не всѣ Римляне — обратилась въ какое-то раболѣпное прислужничество. Это не та услужливость, составляющая характеръ и Европейца, — услужливость, или учтивость свободная, ровная, которая тотчасъ принимаетъ гордый видъ, если ее разумѣютъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и исчезаетъ въ ту минуту, когда перестаетъ быть взаимною, обоюдною.

Въ Римѣ, напротивъ, мы видимъ какой-то поворотъ къ Азіи или, по крайней мѣрѣ, къ Византіи. Рабство, со всеми своими гнусными видоизмѣненіями и оттѣнками, окончательно заклеямило собою, въ эпоху Ювенала, римское общество и проникло во всѣ его слои. Какимъ другимъ именемъ назвать это униженіе, этотъ позоръ не только

бѣдняка, но и человѣка богатаго, знатнаго, который съ шумомъ и бранью собираетъ каждое утро свою обычную дань, нѣчто въ родѣ милостыни, и унижается передъ своими безчисленными патронами и ихъ слугами для того, чтобы получить спортулу?

«Царями» — это самое употребительное названіе патроновъ на языкѣ римскихъ кліентовъ — царями этой голодной и жадной толпы являются, въ разсматриваемый вѣкъ, нѣсколько спѣсивыхъ богачей, большею частію отпущениковъ, разбогатѣвшихъ всѣми неправдами: это были самые типическіе представители императорскаго Рима.

Къ сожалѣнію, я не могу представить здѣсь съ такою же подробностію всѣхъ другихъ сторонъ римскаго быта, такъ живо и пещадно-ярко выставленныхъ въ сатирахъ Ювенала.

Вотъ, на примѣръ, эгоистъ-богачъ, который тратитъ огромныя деньги на свои нечеловѣческія прихоти, и въ то же время отличается полнымъ, самымъ циническимъ равнодушіемъ ко всему, въ чемъ только проявляется умственная жизнь, начиная съ литературы до воспитанія своего сына. Вотъ любопытный типъ искателя наслѣдствъ, а вотъ и ханжа-философъ. Онъ стоикъ и, разумѣется, беспощадный моралистъ; по выраженію Ювенала, онъ «надѣлъ на себя личину Курія и проводитъ жизнь въ вакханаліяхъ». Вотъ римская женщина, унижившаяся своимъ развратомъ до гетеры; римская знать, благородная тѣломъ, а не духомъ, знать, для которой услужливые Греки выдумали небывалую генеалогію. Все это большею частію потомки баснословныхъ Троянцевъ. Это, однако, не мѣшаетъ имъ грабить провинціи, поддѣлывать завѣщанія, пьянствовать въ тавернахъ «съ палачами, разбойниками, гробовщиками и съ бѣглыми рабами», или выходить на арену амфитеатра и тамъ всенародно биться съ дикими звѣрями, — «добровольно», прибавляетъ поэтъ, «когда ихъ не принуждаетъ къ тому никакой Неронъ» *). Вотъ, наконецъ, цѣлый Римъ, совершенно утратившій свою національность и подчинившійся безусловному вліянію Грековъ, а вотъ и самые Греки...

*) См. VIII сат. passim.

Здѣсь я долженъ остановиться не надолго, и указать на ожесточенную ненависть Ювенала къ этимъ просвѣтителямъ его родины.

Въ этомъ отношеніи онъ служитъ крайнимъ, послѣднимъ представителемъ извѣстной партіи, считавшей родоначальникомъ своимъ Катона-Старшаго. Отъ Катона до эпохи Домиціана, слѣдовательно въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, мы постоянно замѣчаемъ въ римской литературѣ борьбу двухъ началъ, — національнаго съ пришлымъ, иноземнымъ. Эта борьба постоянно раздѣляла римскихъ писателей на два враждебные лагеря. Одни изъ нихъ, составлявшіе огромное большинство, не переставали указывать на греческую цивилизацію, какъ на источникъ и необходимую подпору всей умственной жизни Римлянъ, а другіе преслѣдовали это иноземное вліяніе горькимъ упрекомъ, какъ главную причину порчи римскихъ нравовъ.

На чьей сторонѣ была правда? Теперь, относительно Рима, мы можемъ обсудить этотъ интересный для насъ вопросъ безпристрастно и хладнокровно.

Нѣтъ сомнѣнія, что сильное и рѣшительное вліяніе Греціи на Римъ, которое началось съ шестаго вѣка его существованія, имѣло и свои невыгодныя послѣдствія. Къ этому мнѣнію начинаютъ теперь склоняться лучшіе изслѣдователи римской старины *).

Иноземная реформа коснулась только высшихъ классовъ римскаго общества и совершенно подчинила ихъ греческому вліянію, греческой модѣ **). Необходимымъ ея слѣдствіемъ было, между прочимъ, и то, что Греки, которые въ это время были нисколько не похожи на своихъ предковъ, наводнили собою столицу Италіи и совершенно завладѣли воспитаніемъ римскаго юношества. Они поселили въ немъ если не презрѣніе, то, по крайней мѣрѣ, холодность ко всему національ-

*) Напримѣръ, Моммзенъ. Въ своей *Röm. Gesch.* т. I., стр. 860 и слѣд., онъ превосходно говоритъ о вредномъ вліяніи, которое оказала на нравы Римлянъ новая греческая комедія, перенесенная на ихъ сцену.

***) Замѣчательно, напримѣръ, какъ Діонисій Галикарнасскій, во введеніи къ своей *Римской Археологіи*, вездѣ силится доказать, что Римляне тѣ же Греки, что всѣ римскія учрежденія греческаго происхожденія, и что самый латинскій языкъ въ сущности языкъ греческій. Услужливый Грекъ зналъ, что, въ періодъ Августа, можно было сильно угодить Римлянамъ подобными учеными выводами.

ному, этотъ первый признакъ народа, еще не достигшаго полной умственной зрѣлости, или уже кончающаго свою историческую жизнь.

Римляне, вслѣдствіе различныхъ политическихъ условій, которыхъ мы уже отчасти коснулись выше, не могли особенно сильно чувствовать это чужеземное иго въ дѣлѣ мысли и народнаго образованія. Кромѣ того, по самому складу своего ума, они отличались необыкновенною способностію усваивать себѣ все чужое, такъ что не только Греція, но даже Азія и другія страны оказали на Римъ свое вліяніе, а потому самая религія этого государства обратилась подъ конецъ римской исторіи въ какую-то гостепріимную смѣсь всѣхъ возможныхъ вѣрованій.

Вотъ почему, въ Римѣ, рѣдко раздавались благородные голоса въ защиту своего, роднаго, и въ числѣ этихъ немногихъ патриотическихъ голосовъ особенно громко звучала задушевная, сильная и свободная рѣчь Ювенала.

«Не могу я, Квириты», говоритъ онъ *), «не могу я долѣе выносить Рима, послѣ того какъ онъ совершенно превратился въ греческій городъ». И вслѣдъ за тѣмъ поэтъ представляетъ характеристику Грековъ, уже за долго до него завладѣвшихъ вѣчнымъ городомъ: «Одинъ, оставивъ высокій Сикіонъ, другой — Амидонъ, третій — Самось, тотъ — Андросъ, а тотъ — Траллы или Алабанду, — всѣ эти люди стремятся въ Римъ, на холмъ Эсквилинскій или на тотъ, что получилъ свое имя отъ поросшаго на немъ кустарника (Виминальскій). Все это нутро (*viscera*) знатныхъ домовъ и наши будущіе властелины. Умъ ихъ быстръ, дерзость отчаянная и рѣчь текуче, чѣмъ у оратора Изея. Скажи мнѣ, за кого ты считаешь такого человѣка? Онъ все, онъ принесъ къ намъ съ собой, кого угодно. Онъ грамматикъ, риторъ, математикъ, живописецъ, парикмахеръ, авгуръ, канатный плясунъ, врачъ, магъ—онъ все знаетъ. Голодный Грекъ, если это тебѣ угодно, полѣзетъ на самое небо.»

Это одинъ изъ тѣхъ патриотическихъ голосовъ, какіе еще въ

*) Въ знаменитой своей III сатирѣ ст. 60. Эти слова говорятъ собственно не Ювеналь, а другъ его, Умбрицій; но очевидно, что онъ выражаетъ задушевную мысль поэта.

прошломъ вѣкѣ, раздавались и въ нашей литературѣ противъ французскихъ и всякихъ другихъ выходцевъ. Почти всѣ наши лучшіе, передовые писатели были въ этомъ случаѣ Ювеналами, хотя они постоянно отдавали полную и должную справедливость просвѣщеннымъ и добросовѣстнымъ иностранцамъ, которые такъ много содѣйствовали сближенію Россіи съ Европой.

Но римскій сатирикъ имѣлъ полное право негодовать на непрощенныхъ образователей своей родины, тѣмъ болѣе, что въ разсма- триваемое время она легко могла обойтись и безъ нихъ. Притомъ, какъ мы уже замѣтили, Греки, «стремившіеся на холмъ Эсквилинскій», были, — какъ это часто водится, разумѣется, съ исключе- ніями, — люди никуда негодные въ своемъ отечествѣ, спекулянты и шарлатаны. Многіе изъ нихъ взялись за воспитаніе римскаго юно- шества только потому, что видѣли въ этомъ свою выгоду. Они вполне достигли своей цѣли: Римлянамъ не суждено было возвратиться къ національности и положить ее въ основу своего развитія. Римское государство представляетъ явленіе поучительное тѣмъ, что, несмо- тря на свое всемірное владычество, всегда и почти во всемъ носило на себѣ печать подражательности.

Мы должны, однако, замѣтить, что, справедливо вооружаясь противъ преобладанія выродившагося греческаго элемента въ римской жизни, Ювеналь въ то же время очень ложно понималъ національ- ность. Онъ видѣлъ ее въ отжившей и при томъ въ отдаленной, полумифической старинѣ, и постоянно является намъ глашатаемъ и передовымъ бойцомъ той не очень разумной партіи, которая, какъ видно, имѣла въ Римѣ не мало послѣдователей, и которую, для ясности, можно назвать *сабинофильскою*. Ювеналь самый рѣзкій типъ римскаго сабинофила. Дѣйствительно, хотя онъ вполне сочув- ствуетъ блестящей порѣ Рима, но постоянно требуетъ возврата къ какой-то древней сабинской простотѣ, къ баснословному золотому вѣку римской патриархальности, и не хочетъ знать, что это патриар- хальное время было вѣкомъ грубости и дикости нравовъ, вѣкомъ полного отсутствія всякой цивилизаціи.

Ювеналь не понялъ, что развитіе національнаго начала не должно хвататься за явленія, отжившія свое время и несообразныя съ ду-

хомъ вѣка. Это, однако, еще не значитъ, что народъ можетъ безнаказанно отрѣшиться отъ своего прошедшаго, рабски слѣдовать чужому и въ великомъ дѣлѣ науки и народнаго образованія отдать преимущество чужеземцу. Вотъ чего не сознавали Римляне, и о чемъ скорбѣлъ Ювеналь. Въ этомъ случаѣ нельзя не сочувствовать ему.

Онъ, повторяемъ, имѣлъ полное право негодовать на чужеземное иго, поработившее мысль и чувство его родины, такъ какъ въ его время непосредственное вліяніе Грековъ на Римлянъ способствовало только окончательной порчѣ римскихъ нравовъ. Мы вполне понимаемъ задушевную мысль римскаго поэта, когда онъ говоритъ намъ, что не можетъ быть образователемъ народа тотъ, кто не живетъ съ нимъ одною жизнію, не сочувствуетъ его стремленіямъ, не знаетъ его нуждъ и стонувъ. Кромѣ своего космополитическаго значенія, наука, и въ особенности ея пропаганда черезъ литературу и школу, необходимо имѣютъ значеніе мѣстное, народное. Для того чтобы наука, принадлежащая всему міру, вполне обнаружила свое цивилизующее начало на какомъ бы то ни было отдѣльномъ народѣ, ей должно пройти черезъ любящую душу человѣка, принадлежащаго къ той же націи, на которую онъ хочетъ дѣйствовать.

Никто изъ людей просвѣщенныхъ не скажетъ въ наше время, что въ дѣлѣ жизни и науки позволительно и разумно отрѣшиться, какому бы то ни было народу, отъ тѣхъ результатовъ, которыхъ онѣ достигли у націй вполне развитыхъ; но несомнѣнно и то, что необходима критическая передача идей и фактовъ, выработанныхъ наукою. Она тогда только можетъ обнаружить полное свое вліяніе, когда являясь результатомъ народныхъ силъ, а не страдательнымъ усвоеніемъ чужихъ идей, въ тоже время выражается на своемъ родномъ, всѣмъ доступномъ языкѣ. Только такая наука приноситъ пользу и честь націи, даетъ ей законное мѣсто среди образованныхъ народовъ. Чужеземную же науку, не имѣющую ничего общаго съ народной жизнію, учредить легко, но за то такую науку легко и во всякое время могутъ имѣть въ своихъ государствахъ и тунисскій бей, и марокскій султанъ.

Діонисій Галикарнасскій, Діонъ Кассій, Плутархъ и другіе Греки, которые, въ періодъ цезарей, искусственно примкнули къ Римлянамъ

и едва ли достаточно изучили ихъ языкъ, своими греческими писаніями ничего не могли дать въ наукѣ этому народу, кромѣ простаго факта и дешевой морали. Какъ образователи римскаго народа, они были ничтожны, и во всякомъ случаѣ должны уступить первенство туземнымъ авторамъ.

Титъ Ливій, Тацитъ, Горацій, Ювеналь — вотъ писатели, изученіе которыхъ и теперь способно возвысить душу человѣка, вотъ люди, которые могли благотворно дѣйствовать и на своихъ соотечественниковъ, еслибы литература вообще могла еще имѣть для нихъ какое-нибудь нравственное значеніе.

Но римскій міръ уже видимо находился въ агоніи. Литература и наука, разумѣется, должны были утратить для него весь свой великій смыслъ въ эту пору. Общій и заключительный выводъ изъ сатиръ Ювенала тотъ, что общество, въ которомъ заглохли идеалы всего святаго и добраго, быстро несется къ паденію и легко можетъ дойти до крайней степени нравственнаго безобразія, до полного и самаго отвратительнаго преобладанія плоти надъ духомъ. Міръ не могъ существовать на своихъ прежнихъ основахъ: онъ долженъ былъ или погибнуть, или обновиться новою идеей, новою жизнію.

Ужасная картина римскаго общества, изображенная Ювеналомъ, была бы не полна и невыносимо печальна, если бы, къ счастью и къ чести человѣчества, рядомъ съ Неронами и Домиціанами, рядомъ съ ихъ клеветами и подданными, отупѣвшими отъ эгоизма, разврата и рабства, мы не встрѣтили въ бѣдныхъ, гонимыхъ, страждущихъ классахъ римскаго народа зародыша иной жизни, не встрѣтили другихъ людей, представителей святой идеи, которой суждено было разсѣять ложь и мракъ дряхлаго, отжившаго свое время язычества.

Вотъ, по шумнымъ римскимъ улицамъ боязливо пробирается въ толпѣ бѣдная женщина. Она спѣшитъ въ эргастулу, въ острогъ римскаго сибарита.... Тамъ прикованъ желѣзною цѣпью къ стѣнѣ истерзаный рабъ. Онъ чужой для этой женщины, но онъ человѣкъ — и женщина спѣшитъ, она жаждетъ уврачевать, исцѣлить его раны, омыть ихъ своими слезами...

Вы понимаете, вы глубоко чувствуете, что это совершенно новое явление среди императорскаго Рима, среди того общества, которое изображаетъ Ювеналь. Кто же эта женщина? Это не Лида, не Фрина, не роскошная римская матрона, нѣтъ — это существо, блестящее всѣмъ обаяніемъ внутренней красоты, лучшее Божіе созданіе на нашей землѣ, это христіанка!

Христіанство въ вѣкъ Ювенала было уже фактъ очевидный, общенародный, хотя и не понятый еще римскимъ правительствомъ. Скромные, бѣдные христіанскіе храмы были уже разсѣяны въ эту пору на всѣмъ пространствѣ имперіи, отъ Испаніи до крайнихъ предѣловъ Египта.

Римскіе цезари, хотя еще смутно, но уже почували въ этомъ новомъ явленіи опаснаго себѣ врага. Недаромъ Неронъ жегъ въ своихъ садахъ послѣдователей Христова ученія. Уже сдѣлалось очевидно, что оно не могло ужиться и готово было вступить въ открытый бой со всею ложью и позоромъ тогдашняго времени.

Въ мірѣ совершался переворотъ, великаго смысла котораго не постигли лучшіе люди древности. И какъ имъ было понять, что новое, перерожденное общество выйдеть не изъ ихъ среды, а изъ гонимой, рабствующей народной массы.

Ювеналь мимоходомъ и довольно равнодушно упоминаетъ въ одномъ только мѣстѣ о страшныхъ казняхъ } первыхъ христіанъ, которые, по его выраженію, «горѣли стоя и дымили привязаннымъ къ столбу горломъ» или «оставляли за собою глубокія борозды на аренѣ амфитеатра» ¹⁾. Даже Тацитъ не понялъ этихъ людей и считалъ ихъ какими-то опасными и вредными фанатиками ²⁾. Современникъ Ювенала и Тацита, Плиній-Младшій, который, по волѣ Траяна, произвелъ слѣдствіе надъ христіянами, писалъ о нихъ, въ донесеніи къ своему императору, между прочимъ, слѣдующія слова ³⁾: «Они имѣють обычай въ извѣстные дни сходиться до разсвѣта, славить Христа, какъ Бога, и другъ друга обязывать клятвой не на преступленіе

1) 1 sat. st. 155.

2) Tacit. Ann. XV, 44.

3) Plin. Epist. X, XCVII.

какое-нибудь, а на то, чтобы не красть, не грабить, не прелюбо-
дѣйствовать, не нарушать даннаго слова, не задерживать обманомъ
того, что ввѣрено въ видѣ залога. Потомъ они расходятся и снова
сходятся для молитвы и общей трапезы. Впрочемъ, я (продолжаетъ
Плиній чрезъ нѣсколько строкъ) не нашелъ ничего въ ихъ ученіи,
кромѣ гнуснаго суевѣрія, превышающаго всякую мѣру.» «Зараза
этого суевѣрія (говоритъ другъ Траяна въ заключительныхъ словахъ
своего письма) распространилась не только по городамъ, но по де-
ревнямъ и селамъ. Это, кажется, можно исправить и остановить.»

Но ни Траянъ, ни Плиній не остановили этой, какъ они выра-
жались, заразы. Ни угрозы, ни казни, ничто не могло поколебать
первыхъ христіанъ. Когда Плиній заставлялъ ихъ преклоняться пе-
редъ изображеніемъ цезаря или передъ истуканомъ языческаго бога,
они упорно отказывались отъ этого и твердо, радостно шли на казнь.

Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, а свѣточи Нероновыхъ са-
довъ еще и до сихъ поръ освѣщаютъ міръ; до сихъ поръ еще идея
христіанства живетъ и обновляетъ человѣчество.

Въ великіе годы, которые мы переживаемъ, эта святая идея
громче, внятнѣе, краснорѣчивѣе, чѣмъ когданибудь, говоритъ нашему
сердцу. Не столько благороднымъ и честнымъ усиліямъ нашей науки,
все еще слабой и робкой, сколько христіанскому чувству, этому
святому чувству любви къ ближнему, суждено подвинуть къ рѣше-
нію и ту жизненную задачу, къ которой теперь прикованы взоры
всей Россіи... Обновленная, — мы твердо вѣруемъ въ это — она
вступитъ въ свѣтлый періодъ своей жизни, и тогда смѣло и сво-
бодно заговорятъ наши болѣе счастливые Ювеналы; борьба ихъ про-
тивъ вѣковой косности и застоя будетъ все болѣе и болѣе успешна,
миролюбива и плодотворна, и наконецъ все меньше и меньше будутъ
они находить пищи для своей сатиры.

Н. Благовѣщенскій.

8P
5-68